

Легенда тихого города — сборник рассказов о проклятой местности. Каждый рассказ перенесет вас в место событий, происходящих недалеко от аномальной территории, на которой произошла катастрофа, повлекшая за собой тысячу несчастных случаев. Даже спустя много лет вокруг этого городка продолжает происходить мистика. Кажется, что злой рок никогда не покинет это место. Что же случилось в этом районе много лет назад?

Начало всего. История сестер Лейвиц

Вы когда-нибудь чувствовали страх? Страх, который сковывает все тело и не дает вздохнуть полной грудью. Или отчаяние? Настолько яркое, что все остальные эмоции просто меркнут на фоне этого. И даже если вы ответили да, то вы и представить себе не можете, насколько сильно чувствовали эти эмоции люди, находящиеся в маленьком рабочем городке к северу от столицы, когда позади них взрывались огромные каменные конструкции. Это дикое зрелище, которое осталось в памяти многих, как самый страшный день в их жизни. Для всего остального мира все произошедшее так и осталось загадкой. Неразгаданной тайной.

Все началось в 1950 году. Рядом с небольшим городком под названием Обвинск было решено начать строительство завода по переработке металла. В 1953 году строительство было завершено. Маленький рабочий поселок быстро наполнился людьми. После этого власти выделили чуть больше бюджетных средств для построения атомной электростанции и еще нескольких промышленных цехов. Довольно быстро рабочий поселок превратился в небольшой город. Большинство горожан, конечно же, являлось рабочими. Это были самые разные люди, которые приезжали с начала 1950 года и вплоть до ужасного трагического дня. В 1961 году поселение все-таки решили именовать, как город Залесный. Логически это объяснялось изобилием растений, парков и дремучих лесов вокруг городка. Со временем инфраструктура города развивалась. В Залесный приезжали музыканты, актеры и театральные студии. Теперь горожане могли не только прогуляться в изобилующих в городе парках, но и отправиться в выходные в театр или на концерт. Молодой и расцветающий город должен был стать одним из эталонов советских городов. Однако этого не случилось. И вместо процветающего города будущего Залесный обрел славу проклятого места.

Авария произошла внезапно. Никто этого, конечно же, не ожидал. Это был ужасный день, когда от зашкаливающей радиации пострадали 50 рабочих, а также произошло несколько взрывов в других цехах, которые унесли жизни многих. Однако аварии происходили не только в Залесном, но и в других городах. Это не является чем-то аномальным. Причина аварии на электростанции была установлена быстро — возгорание. Так что же тогда является неразгаданной тайной?

Этот секрет будоражит умы многих исследователей паранормального и по сей день. Если начинать копать глубже, то волосы встают дыбом. Авария произошла 5 августа 1972 года. Все произошло, как уже и указывалось ранее, мгновенно. Внезапная цепная реакция. Несколько очагов взрыва. Чудовищная трагедия с ужасными последствиями. Возгорание во втором реакторе считается совершенно случайным инцидентом. И все же есть некое странное обстоятельство — после возгорания в реакторе произошло возгорание и на заводе, построенном до электростанции. Это совпадение было не просто загадочным, а даже пугающим — многим горожанам снились одни и те же сюжеты о существах из ада, которые

грозятся поджечь эти здания. Еще задолго до случившегося. Некоторые рабочие жаловались на плохой сон от страшных теней, которые, как они утверждали, пугали их в ночное время суток во время одиночных дежурств и осмотра помещений. Другие утверждали, что видели призраков, которые просили их уйти. И все эти истории кажутся смешными байками пугливых рабочих, если бы не факт исчезновения 3 тысяч человек в день аварии.

Это действительно случилось. Эвакуация происходила в спешке. Люди быстро прихватили все самое нужное и бежали к автобусам к выезду из города. Однако после полной эвакуации не досчитались парочки человек, а точнее — 3 125. Почему это произошло? И каким образом 3 тысячи человек не пришли к автобусам утром 5 августа 1972 года? Почему возгорание произошло в разных объектах в одно и то же время? Можно ли подозревать в этом группу людей, действовавших целенаправленно? Почему это дело так и не было расследовано? И куда пропали 3 125 человек? Почему они не были найдены? Куда они пропали, если не были найдены даже их тела? Ни одного из них. Почему они не попытались связаться с родственниками, если остались в живых? И ни на один из этих вопросов до сих пор нет ответа. Эта тайна, над которой работало множество исследователей, но все расследования заходили в тупик. Никто еще не смог дать точного ответа. Есть лишь теории. Без доказательств. И парочка легенд, которые заставляют любых путешественников объезжать даже соседние поселения Залесного, которые радиация почти не затронула.

Одна из них — о страшном древнем капище. По этой версии считается, что город был построен на месте поклонения языческим божествам. Эта версия имеет множество доказательств: старые черно-белые фотографии, сохранившиеся со временем основания рабочего поселка, древние манускрипты из музейных архивов Залесного и каменные плиты с непонятными словами на древних языках. Эти вещи все еще сохранились в архиве городка в области рядом с Залесным — единственного и самого приближенного города, не затронутого высоким уровнем радиации. Его именовали Тихим.

Город с говорящим названием «Тихий» был основан примерно в то же время, что и Залесный, однако его развитие не было настолько стремительным. Это был неприметный рабочий поселок, в котором располагались малые филиалы промышленных цехов по производству консервов и пищевой продукции. В городе Тихий было всего несколько кварталов стареньких хрущевок. Также у въезда в город располагалась заправочная станция, дорожное кафе, мотель и небольшой продуктовый магазин. Все это и составляет инфраструктуру города до сих пор. На текущий момент в городе появился еще и музей, в котором собраны артефакты из Залесного, собранные до дня трагедии. Иногда там даже проводятся экскурсии. Однако огромной популярности они не имеют, а туристам настоятельно советуют не планировать поездку в эту местность.

Причина этого — дурная слава. Город Тихий сам по себе является довольно отдаленной местностью. Вокруг него нет почти ничего в нескольких десятках километров, кроме лесов. Местное население рабочих не жалуется приезжих и относится к ним недружелюбно. Сам вид этого города не внушает надежд: несколько рядов советских серых пятиэтажек, вечная слякоть от повышенной влажности и окутанные туманом полуразрушенные асфальтовые дороги. Ко всему этому добавилось еще с десятков историй о пропаже людей в этой местности. Все это в период с 1972 года. Соседство с городом Залесный только добавило плохой репутации. Ни одного пропавшего человека в данной местности не могут найти и по сей день. Семьи же пропавших считают это место поистине проклятым. Это проклятье затронуло и сестер Лейвиц в октябре 2007 года.

1 глава. Две сестры

12 октября 2007 года

Обвинская краевая больница

Сестры Лейвиц не были самыми счастливыми людьми на свете. С самого начала жизни судьба двух сестер была трагичной: родители покинули их, утонув в красной тойоте в местном озере. Это происшествие могло забыться, если бы у них был хоть один человек на этом свете, кому они были бы небезразличны, но такого не нашлось. Сиротский приют — не лучшее место для двух девятилетних и испуганных девочек. Полуразрушенное советское здание, полное брошенными детьми и грубыми воспитателями наложило свои отпечатки на одну из них. Оно сделало ее сильной и выносливой, такой, которая сможет жить в этом мире, полном отчаяния и безразличия. Это была старшая из сестер — Ангелина. Светловолосая и ангельски прекрасная. Она всегда знала, как найти нужный подход к любому человеку, с которым она разговаривает. Умелый манипулятор? А что ей еще оставалось делать, когда всем вокруг на тебя все равно, а тебе нужно как-то выживать? И все же, она была прекрасной. Ангелина Лейвиц никогда не понимала свою сестру, которая выросла рядом с ней, но была ее полной противоположностью. Валерия, которая родилась двумя годами позже, была мягкой и наивной девочкой, верившей во все сказки, которые ей рассказывают дворовые мальчишки и няни. Она была слаба. Слаба, как маленький зеленый стебель, проросший в плотном асфальтовом грунте. Они даже внешне не были похожи: Ангелина — светловолосая девочка с голубыми глазами, похожая на свою маму, у нее были длинные шелковые волосы, слегка завивающиеся у кончиков и яркая белоснежная улыбка, а Валерия унаследовала внешние черты своего отца. Ее темные волосы спадали на костлявые плечи, как тонкие ручейки, во взгляде карих глаз — испуг и страх, а улыбка? Она почти никогда не улыбалась. Лишь изредка уголки ее губ приподнимались вверх в моменты, когда она была хотя бы немного счастлива.

Она не могла притворяться, как своя сестра. Ангелина улыбалась через силу. Она умела искусно врать и обманывать ради собственной выгоды. Ради их выгоды. Ради их будущего. Она была готова на все. Потому что знала, что по-другому хорошего будущего у них никогда не будет. Сестры Лейвиц выделялись среди других детей. В сиротском приюте к ним относились с большей строгостью, чем к другим детям, так как постоянно ждали от них новой выходки. Они крали еду, вещи, сбегали. Делали все, чего делать было нельзя. Две маленькие девочки, проворно строившие хитроумные планы побега, которые всегда срабатывали и были надежны, как хорошо выстроенный железобетонный механизм. Их серая одежда, их грустная и одинокая жизнь разбавлялась именно этими выходками. Они шутили над воспитательницами, которые постоянно менялись. Поэтому обманывать их всегда было легко — можно было проворачивать одни и те же выходки снова и снова, но с разными людьми.

Время шло. Две девочки, выросшие в сиротском приюте, наконец-то покинули его. Сначала они старались держаться вместе. Быть друг с другом — это их привычка. Помогать друг другу — это их привычка. Много лет для них обеих не существовало никого другого. Никого, кто действительно мог бы позаботиться о них. И все-таки их пути разошлись. Ангелина — смелая и яркая, быстро нашла себе занятия по душе, которые приносили ей много прибыли. Это были не совсем легальные способы. Иногда она обманывала людей, заставляя влезать их в долги, она могла фактически обворовать любого человека, который подвернется ей на пути. Она считала, что это плата мира за их бесконечные страдания и

одинокое. Она считала, что делала все правильно. Хитрая и умная, красивая от макушки и до пят. Ангелина вершила свой собственный суд над обществом. Ради их обеих. Валерия же не разделяла ее мнения. И тогда они разъехались. Валерия отправилась в провинциальный городок Обвинск, а Ангелина улетела покорять столицу. Это было ожидаемо. Их союз был слишком странным — они плохо работали в паре, так как были совершенными противоположностями.

Младшая из сестер оказалась не такой сильной, как ей хотелось бы. Тихая и неприметная девушка поселилась в серой многоэтажке у черты города. Ей хотелось спокойствия и покоя после всех этих лет. Ей уже надоела эта жизнь, полная бед и грусти. Она сняла квартиру на последнем этаже и устроилась на работу в самый обыкновенный цветочный магазин. На какое-то время она успокоилась. И была даже немного счастлива, находя счастье в повседневных мелочах. Вот это была радость! Впервые за долгое время ее никто не осуждал, никто ни к чему не принуждал, не обязывал, не заставлял что-то делать, не ругал и не бил. К тому же она уже не испытывала психологического давления со стороны Ангелины. И, казалось бы, все прошло. Однако настал этот день, когда доктор встревоженно позвонил ей на мобильный и срочно попросил прийти.

Идя по больничным коридорам, девушка думала об этой осени. Об этих холодных и промозглых днях. О ее болезни. Она знала, что она больна. Каждый день она кашляла, а в последнее время на платке она стала замечать капли крови. Тогда врач уговорил ее сдать дополнительные анализы. Это был немолодой мужчина с хриплым голосом. Лицо его всегда приобретало угрюмое выражение, когда он разговаривал с ней. Его сухие тонкие губы медленно двигались, пока он рассказывал о ее диагнозе. В кабинете было прохладно. Даже холодно. Валерия сидела на сломанном черном стуле, сидуха которого то и дело норовила отвалиться. Она нервно поерзала на нем, смотря в треснувшее стеклянное окно.

— Вот, таким вот образом, я хочу сообщить вам, что у вас рак легких, 3 стадии, вам срочно нужно лечиться, в обязательном порядке, — врач сообщил ей эту новость сухим и строгим голосом.

— Но я прочитала в интернете, что есть вероятность ложных анализов, а еще... разве при раке кашляют кровью? Может вы ошиблись? — Она наивно взглянула на него с надеждой, — может лучше повторить анализы?

— А вы сами не чувствуете, как распадаетесь по частям?

— Что вы только что сказали? — Воскликнула девушка и удивленно посмотрела на врача.

— Вы распадаетесь по частям. Взгляните на себя в зеркало.

— Зачем?

— Вы похожи на девушку, которая только что восстала из мертвых, Валерия. Я искренне извиняюсь за эти слова, но вы не замечаете очевидного! Посмотрите на себя. У вас огромные синяки под глазами, которые трудно будет скрыть даже под самым тяжелым макияжем. Ваши и без того тонкие волосы редеют с каждой неделей. И вы невероятно похудели. И теперь кажется, что на вас больше не осталось и капли жира или даже кожи. Вы очень худая. Как скелет. К тому же кашляете кровью. Плохо спите по ночам.

— И что? Мне кажется, что все можно еще исправить! — Прошептала девушка, сломленная словами своего врача, — да, все плохо. Очень плохо.

— Вам срочно нужно лечь в больницу и начать курс. Незамедлительно.

— Но как же моя работа? Я не могу.

— С работой придется повременить, либо можете продолжить на нее ходить, а после сразу лечь в гроб, — мрачно пробормотал доктор.

— Нет, доктор, вы не понимаете, — она жалобно смотрела на него, из глаз у нее текли слезы, она повторила, — вы не понимаете. У вас есть жизнь, которая имеет какой-то фундамент. Моя работа — это мой фундамент. Без нее я пропаду. Я не могу влезать в долги — я ведь могу их потом и не выплатить. Это создаст огромные проблемы. Я не знаю, что мне делать. Я не могу бросить работу.

— Не бросить, Валерия, а временно приостановить рабочие будни, чтобы восстановить свой погибающий организм.

— Нет, это невозможно! После того, как я выйду из больницы, я окажусь на улице! А еще мне нужно платить кредит за машину! И за ее ремонт! И за бензин!

— Если вы испытываете такие сильные финансовые трудности, то я рекомендую вам обратиться за помощью к своим близким. Я уверен, что они вас поймут и поддержат. Вы умираете! Вы это понимаете?!

— У меня никого нет! Кроме сестры. И мы давно не общались. Уже два года прошло.

— В таком случае, позвоните ей и все расскажите. Она должна знать, — все так же сухо продолжил врач, — на этом у меня все. Придете, как будете готовы. Однако я рекомендую вам это сделать буквально на днях, иначе потом будет уже слишком. Слишком поздно.

Валерия вышла из его кабинета в полном смятении. Белые больничные коридоры вызывали в ней только чувство тревоги и опасности. Она была смертельно больна. Неужели. Еще одно испытание в ее нелегкой судьбе? Ей казалось, что лучше сразу все решить и не мучиться, но другая часть ее сознания хотела бороться за жизнь. Та часть, которая никогда не имела права голоса. Лейвиц опустилась на больничную кушетку в коридоре. Она раскрыла свой серый раскладной самсунг и набрала номер сестры. Ее голос почти дрожал:

— Привет, Ангелина! Как твои дела?

— Лера? Ничего себе, так давно не виделись, — голос сестры был громким и радостным, как и всегда, — где ты сейчас?

— В Обвинске, все там же.

— Чем занимаешься?

— Все тем же.

— Какая-то ты странная. Словно зажатая. Хотя...ты всегда была такой. Кажется....Так что ты хотела?

— Хотела кое-что сказать.

— Да, мне тоже тебе нужно кое-что сказать. Как раз собиралась...тебе позвонить.

— Ты первая.

— Ну, я потерялась, — голос Ангелины дрогнул, — потерялась где-то у главной дороги, ведущей в город Тихий. Ну, ты знаешь. Этот проклятый городок, о котором нам в детстве байки рассказывали.

— Что ты там делала?!

— Я ездила туда по работе. Хотела потом к тебе ненадолго заехать. Мне нужно было тут парочку документов подписать. И теперь у меня почему-то внезапно перестал работать двигатель. И я оказалась одна посреди чертовой туманной дороги! — Она была в гневе, — это просто какой-то кошмар, Валерия! Я в ужасе! Я просто хочу домой! К своему чертовому парню, которого я ненавижу, но я точно лучше была бы сейчас с ним, чем здесь!

— Почему ты не можешь уйти оттуда, найти дорогу или...указатели или позвонить

спасателям? У тебя же ловит связь?

— Лера, ты дура? Тут один чертов туман кругом! И ничего больше! Я вижу только деревья, деревья и деревья вокруг себя, туман и дорогу. Я даже не знаю, где я оставила свою машину. Если я позвоню спасателям, то что я им скажу? Что я могу им сказать? Придите вот к этому дереву и там буду я? Так что-ли?

— Это лучше, чем ничего. Лучше, чем потеряться совсем. Давай я позвоню? Скажи, в каком примерно месте и на какой дороге ты остановилась?

— Нет! Нет! Не смей звонить!

— Почему? Ты в опасности! Я переживаю за тебя. Не отказывайся от помощи.

— Лера, — старшая из сестер тяжело вздохнула и прошептала в трубку, — у меня в машине есть кое-что запрещенное. И в моих документах тоже есть кое-что не совсем легальное. Я не буду сейчас описывать это в деталях, но полиция и спасатели — это те службы, с которыми я сейчас категорично не хочу связываться. Просто помоги мне! — Она кричала, — я больше не так могу! Я хожу здесь кругами! Лера, я хожу кругами! Я не понимаю, что происходит!

— Думаю, что можно будет что-то придумать, какую-нибудь историю для службы спасения, чтобы избежать наказания за твои нелегальные действия.

— Нет! Не избежать! Лера, Виталик мне не отвечает! Мне больше некому звонить! Мне больше никто не отвечает. Ты — единственный человек, у которого я сейчас могу попросить помощи! — Ее голос звучал отчаянно и почти надрывался, — я в отчаянии. Мне очень страшно.

— Хорошо, давай я что-нибудь придумаю. Скажи мне, где ты примерно. Думаю, что здесь часа три езды. И я буду где-то рядом с тобой.

— Пожалуйста, приезжай скорее.

— Я постараюсь.

— Последнее, что я помню — заправка. Это была заправка у въезда в город.

— В Тихий? Окей, я сейчас заберу машину из сервиса и приеду.

— Поторопись, пожалуйста, — попросила сестра, после чего бросила трубку.

Лера смутно помнила, как быстро бежала домой, как быстро она скидала все первое необходимое в маленькую коричневую сумку и пришла в автосервис. Младшая из сестер Лейвиц не отличалась храбростью, ей не особо хотелось отправляться в неблагополучный городок, о котором было сложено столько баек и легенд, но помочь сестре она была обязана. Обычно Ангелина помогала ей. Так уж сложилось, что старшая из сестер, что была сильнее и выносливее, постоянно вытаскивала Валерию из жизненных передряг. Однако в этот раз все получилось наоборот. И младшая ни минуты не раздумывала, прежде чем согласиться найти сестру в одиночку, даже не зная точных координат. Ее удивлению не было предела, когда бородатый автомеханик с ноткой сожаления в голосе сообщил, что ремонт двигателя затягивается. Девушка не стала терять время на разговоры и побежала на вокзал. Мимо проезжали автобусы, толпились люди. Пахло мерзко. Как на помойке. Валерия сморщилась. Она неуверенно постучалась в окно кассы. Угрюмая женщина в квадратных очках взглянула на нее с негодованием:

— Слушаю, — сказала она, открыв стеклянное окно.

— Мне нужен один билет до города Тихий, пожалуйста.

— Вы издеваетесь?

— Прошу прощения?

— Я говорю, вы что, издеваетесь надо мной? Туда не ходят автобусы. Кто ж туда ездит?

— Обычные люди. Нет? — Предположила Валерия, наивно смотря на кассиршу, — а что такого? Это же обычный город, такой же, как и все другие.

— Нет, не такой. Все подальше стараются от него держаться, если вы не в курсе, а автобусные компании вообще не хотят прокладывать маршруты даже около этого Тихого.

— Да что в нем такого особенного и страшного?

— Там нечисть водится, — прошептала женщина, прищурив веки, — много нечисти. Она и поджидает тех, кто туда приедет. В тумане. Там ведь очень влажный климат, много оврагов. И тумана. В нем и ждут...они.

— Кто ждет? Какая нечисть? Простите, конечно, но вы в своем уме? У меня нет времени на разговоры о нечисти, я очень тороплюсь.

— Торопитесь? В Тихий? Побойтесь Бога, девушка. Вам там нечего делать.

— Нет, у меня там как раз-таки есть одно дело.

— Тогда советую вам отказаться от поездки.

— Нет, это невозможно, так какие автобусы ходят туда?

— Что ж, если вы все-таки хотите испытать судьбу, можете воспользоваться 47 маршрутом. Сойдите на остановке «Киривята». Там недалеко до Тихого. На остановке есть заправка. Можно спросить дорогу. Автобус будет через...5 минут. Однако подумайте. Очень хорошо подумайте, девушка. Вы там будете одна. На проселочной дороге. На дороге в город Тихий. Это очень небезопасно.

— Да, я с вами согласна, но выбора у меня нет.

Валерия схватила билет и помчалась к автобусу. Она влетела в салон и заняла место у окна и вдруг подумала о том, что сказала той женщине на кассе. Она соврала ей. У нее был выбор: она могла бы позвонить в службу спасения и предоставить им возможность найти ее сестру, что было бы гораздо безопаснее и надежнее. Или вместе с ними отправиться на ее поиски. Однако Ангелина настояла на том, чтобы они не были причастны к этой ситуации. И если Ангелина так сказала, значит, так действительно было нужно. Валерия верила сестре на слово. Всегда и во всем — Ангелина не станет ее обманывать. К тому же старшая сестра всегда знает, как лучше. И всегда поможет. И постоит за нее. Как в детстве.

Однажды они были под присмотром очень строгой воспитательницы, которая использовала достаточно жестокие методы в своей работе. Она брала ремень и била им несколько раз провинившегося. Это было очень больно. Так, конечно же, делать было нельзя. И ее уволили, как только узнали о том, как она ведет свою работу, но сестрам Лейвиц пришлось долго терпеть в то время, когда она еще исполняла свои обязанности. Им обоим было тогда по 10–12 лет. Они, как и всегда, решили затеять какую-нибудь выходку. В этот раз невинную — разрисовать плакат у магазина продуктов маркерами. Идея была интересная, девочкам было тогда очень весело. Стоял морозный зимний день. Они ежились от холода и смеялись. Их случайно заметил администратор, выглянувший в окно, и заставил позвонить воспитательнице, грозясь вызвать полицию. Мария Васильевна — так ее звали, пришла вся разъяренная и схватила обеих за руки, волоча в сторону детского дома. Когда она завела их в комнату, глаза ее сверкали от ярости. Она на минуту отлучилась, а потом вернулась с тем самым заветным черным ремнем:

— Вы обе. Опозорили меня. Наш детский дом, — кричала она, поднимая ремень.

— Нет! — Крикнула Ангелина, — это не мы обе. Это была только я. Я решила разрисовать тетеньку на плакате. Это была я. Валерия тут не при чем. Бейте только меня.

И наказание получила только Ангелина. И так было всегда. Она защищала ее и спасала от всего, что могло с ней случиться. Валерия думала об этом, смотря в окно автобуса. За ним мелькали машины и сухие осенние ветки деревьев. Становилось все темнее. И тут девушку осенило. Ее посетила ужасная мысль. Она испугала ее настолько, что по спине побежали мурашки. Она подумала: «Что такого могло случиться с Ангелиной, что та просит ее о помощи?». Ангелина всегда сама себя спасала. В любом случае. И при любых обстоятельствах. Если же ей требовалась помощь, то у нее была куча связей. Множество знакомых и товарищей, которым она могла позвонить. Ей всегда было, кого попросить о помощи. Для каждого жизненного случая она могла найти отличного помощника. К тому же Ангелина отлично разбирается в картах и ориентируется на любой местности. Однажды она даже вывела их обеих из леса по нескольким десяткам троп, взглянув на карту лишь однажды. Эти мысли нависали над девушкой, как грозовые тучи. Что же с ней случилось?

2 глава

Валерию разбудил громкий звук — кто-то чихнул. Это был единственный пассажир в автобусе, помимо нее. Старик высморкался в платок. Проснувшись, девушка вскочила со своего места и подбежала к водителю:

— Остановите у той заправки, это же Киривята? Я проспала остановку!

— Я тут не останавливаюсь. Никто не останавливается.

— Вы шутите? Немедленно остановите автобус, иначе я вырву у вас руль. И мы все умрем.

Угрозы девушки звучали неуверенно и смешно. Водитель все же взглянул на нее с подозрением, но остановил автобус. Валерия выбежала на свежий воздух, перебросив сумку через плечо. Она смотрела вслед уезжавшему автобусу, наблюдая, как он исчезает в тумане. Пейзажи этих мест и впрямь были жуткими, точь-в-точь, как описывали в тех страшилках: ползущий по земле туман, облезлые деревья, сухая земля и никого в радиусе мили. Девушка разглядел недалеко от нее ту самую заправку, о которой говорила женщина на кассе. И это место выглядело в точности таким же мрачным, как и все вокруг. Ржавые бензиновые баки валялись тут и там. Входная дверь заправки скрипнула.

— Здравствуйте, — поздоровалась девушка, но ей никто не ответил, она снова повторила, — здравствуйте?

В ответ ей снова последовала тишина. В полупустом помещении никого не было. Только пыльные полки с банками пива и газировки. Лера постояла еще пару минут, ожидая кассира, а затем развернулась и вскрикнула:

— Боже! Вы меня напугали!

— Простите, к нам нечасто заходят люди. Поэтому я не всегда нахожусь за кассой.

Перед ней стоял мужчина 50-ти лет в клетчатой рубашке. Несмотря на то, что два его передних зуба полностью отсутствовали, на лице его сияла широкая улыбка. Хромой походкой он дошел до кассы и спросил:

— Чего желаете, мисс? Или, — он подмигнул ей, — миссис?

— Я желаю узнать направление. Хочу знать, как пройти до города Тихий. Мне нужно направление к главной дороге.

— Вы, я полагаю, отважная девушка, раз туда идете?

— Нет. Я ищу сестру. Она потерялась.

— Тогда забудьте о ней, — он пожал плечами и снова улыбнулся, — лучше возвращайтесь домой и живите дальше.

— Так вы скажете мне, где находится эта дорога? — Раздраженно продолжила Валерия, — на карте не указано, какая из дорог главная.

— Главная та, что находится слева от заправки, если стоять к ней лицом. У нее и указатель. Если вы ищете приключений, то это того не стоит.

— Да не ищу я приключений, я ищу сестру, а вы... — Валерия окинула мужчину неодобрительным взглядом, а после толкнула дверь и вышла на улицу.

Указатель у дороги и правда был. Город «Тихий» — гласила табличка. Старая и почти выцветшая. Валерия шла по асфальтовой дороге, вокруг не было ни души. Ничего, кроме осенних листьев, тумана и деревьев. Она шла вперед быстро, слушая звук своих собственных шагов. Внезапно позади себя она услышала чей-то голос. Она обернулась. Там никого не было.

— Ладно, мне кажется, — прошептала она себе под нос и продолжила идти.

Впереди, обьятая туманом, стояла машина. Девушка подбежала к ней, но внутри никого не оказалось. Это был автомобиль ее сестры. Дверь была открыта. Крышка капота поднята. Лера пошла дальше и набрала номер сестры. Послышались короткие гудки. Ее телефон был выключен или разряжен. Это было не к добру. Девушка отправилась дальше вдоль дороги. Она разглядела вдалеке тень. И остановилась. Она не знала, что ей делать. Постепенно тень приобрела более различимые очертания. Это была девушка в кожаной куртке, сжимавшая в правой руке телефон. Ее кудрявые светлые волосы были влажными от дождя. Это была она. Ангелина бросилась в объятия сестры. Они долго обнимались, прежде чем взглянули друг другу в глаза.

— Ты нашла меня! — Пищала от радости Ангелина, тряся сестру за плечи, — ты нашла меня!

— Пойдем. Нам нужно убираться отсюда. Быстро. Здесь мне как-то...не по себе. Уже темнеет. Нам нужно торопиться.

— Думаешь, автобусы еще ходят?

— Не знаю, а что случилось с твоей машиной?

— Я так и не поняла. Я ехала по этой дороге и внезапно двигатель заглох. Бензин не закончился. И все механизмы исправны.

— Странно. Давай посмотрим еще раз?

— Давай. Возьми фонарик в бардачке.

Сестры подошли к машине. Лера открыла дверь и заглянула в бардачок. Включив фонарик, она заметила на переднем сидении какие-то документы. Она взяла их. Это были документы о передаче имущества ее сестре. Ангелина работала в агентстве недвижимости. Поэтому ничего странного в этих документах не должно быть, но что-то насторожило Валерию:

— Кто-то передал тебе квартиру в собственность?

— Что? Да так, один старый хрен.

— Что?!

— А что ты на меня так смотришь? Он старый. Помрет скоро. Позвонил нам, сказал, что хочет квартиру отдать, государству не хочет отдавать, а передать ему ее некому. Вот и передал нам.

— Тебе не кажется это подозрительным?

— А что в этом такого?!

— То, что так обычно никто не делает. Здесь что-то не так!

— Лера, расслабься, — сестра вырвала у Леры из рук бумаги, — это всего лишь старый и с ума сошедший дед. Ничего интересного. Легкие и большие деньги. Часть из них, между прочим, я планировала отдать тебе, так что перестань читать мне нотации. И лучше помоги. Эта рухлядь должна завестись, иначе нам придется искать автобусную остановку в этой крошечной тьме.

Девушки простояли некоторое время у открытого капота, но починка двигателя оказалось безуспешной. Тогда они направились на остановку рядом с заправкой. Несмотря на то, что было уже очень темно, на дороге не зажглись фонари. Ангелина держала фонарик включенным и освещала им дорогу. Девушки шли в неловкой тишине. Были слышны лишь отзвуки их собственных шагов. На туманной дороге им навстречу кто-то шел. Это был странный человеческий силуэт: как будто некто наклонился и скорчил руки, немного наклонил голову и шел именно в таком положении, не разгибаясь, шаги его были мелкими и неспешными, покачивающимися. Сестры застыли на месте. Ангелина схватила Леру за рукав:

— Это какой-то местный алкаш, точно тебе говорю, до добра не доведет, если мы с ним увидимся лицом к лицу, пошли к машине.

— Нет! — Шепнула младшая, схватившись за плечо Ангелины, — там кто-то...я не понимаю

, посмотри.

— Кто?! — Ангелина медленно повернулась, ее руки задрожали, — кто это?!

— Не знаю, похоже на каких-то призраков.

— Так, Лера, нас пугают. И делают это намеренно, — твердо произнесла Ангелина, — нельзя им этого позволять.

— Нет, не иди к ним! Ангелина!

— Лера, заткнись, умоляю. Эй, вы! — Ангелина подошла ближе к машине, смотря на бледные белые тени, — вы думаете, что можете нас напугать? Думаете, что мы уссымся от одного вашего вида? Вы оказались не правы! Я видела пранки и получше вашего, уроды! Заканчивайте свой театр и валите ко всем чертям собачьим, сукины дети! — Она кричала, смотря на них и активно жестикулируя руками.

Белые тени не двинулись с места. Затем они просочились сквозь машину и стали приближаться к застывшей от страха на месте Ангелине. Это были не люди. Их лица отдаленно напоминали человеческие. На изуродованных бледных туловищах были оставлены ссадины и раны, а на головах вместо рта сияли черные дыры. Из пустых глазниц сочилась черная жидкость. Ангелина онемела от страха. Кто-то сжал ее ладонь.

— Бежим! — Это была Лера, — бежим быстрее! Выключи фонарик!

Девушки свернули с дороги и побежали сквозь колючие кусты. Острые шипы впивались в кожу. Под ногами хрустели осенние ветки. Они бежали, не глядя вперед, слыша лишь собственное учащенное дыхание. Они бежали, державшись за руки. Еще никогда никто из них так быстро не бегал. Они забыли о том, что такое усталость и только бежали вперед, зная, что пропадут, если вдруг остановятся. И все же Лера иногда останавливалась, не в силах вздохнуть полной грудью. Сердце ее отчаянно билось, а в горло вставал ком. Она тяжело кашляла, пока на ее ладони оставались красные следы. Пробежав приличное расстояние от начала дороги, одна из них остановилась и выключила фонарик. Они спрятались за стволом большого дерева и стали слушать. Чьи-то шаги. Неспешные. И рык. Тихий. Порывистый.

— Это какое-то животное, Лера, если медведь, то мы с тобой обе трупы, — Ангелина покачала головой, — я люблю тебя, Лера, и всегда любила, для меня никогда не существовало человека дороже, чем ты. И никогда не будет существовать.

— Я тоже тебя люблю, — Лера сжала руку сестры.

— А что ты хотела мне сказать? Тогда? По телефону?

— У меня нашли рак. Рак легких.

— Боже! Какой ужас! Лера...

Ангелина прижала Леру к себе, заключив в объятия. По ее щекам текли слезы.

— Ангелина, смотри!

Сестры обернулись. Они увидели недалеко от себя небольшие огни. Два небольших, но ярких, как фонари, огня. Затем прибавились еще несколько. В ночной темноте девушки разглядели силуэты. Это были небольшие сущности с яркими глазами. Монстры перебрасывались томными рычаниями и что-то искали в ночной мгле.

— Они нас найдут!

— Пошли!

Девушки снова стали бежать, на этот раз не так быстро, чтобы не шуршать осенней листвой. И за ними никто не последовал. Никто, казалось, их не искал. Девушки совсем потерялись. Они набрели на какую-то поляну и споткнулись об камни. Ангелина включила фонарик и стала осматривать местность. Ее руки дрожали. В свете фонаря девушки разглядели непонятную языческую символику.

— Я так и знала, это секта какая-то, — пробормотала Ангелина, — они сектанты, говорю тебе!

— Тут кто-то есть! — Лера схватила сестру за руку и последнее, что она успела сказать, прежде чем их обеих оглушили ударом тупым предметом по голове, было, — не отпускай мою руку.

3 глава

Они очнулись связанными. Их кто-то тащил по земле, сменившейся затем твердым кафелем. Затем последовал лязг металлических ворот. Ангелина очнулась раньше сестры. Она задержала дыхание от страха — перед ней возвышался один из заводских цехов города-призрака Залесного. Он был безликим и ужасающим: под темными сводами сияли дыры, в выбитых стеклах проскакивали тени, а в туманной местности за высоким забором не было видно ничего на расстоянии нескольких десятков метров. Воспаленное сознание девушки даже в такой ситуации продумывало путь побега, маленький план отступления, хотя бы один, который мог бы их спасти. Пока она отчаянно пыталась придумать хоть что-нибудь, из здания вышла высокая женщина. На ее лице сияла улыбка. Не настоящая, а страшная, вызывающая дрожь в коленях. Она спустилась по ступенькам широкого крыльца, цокая каблучками. Ее пышная юбка развевалась от ветра.

В этот момент проснулась Валерия. Она так и осталась лежать, прижавшись щекой к холодному каменному полу. Девушка смотрела за женщиной, которая подошла к ним почти вплотную. Рядом с ее лицом оказались брошены листы бумаги. Валерия присела и стала разглядывать их один за другим.

— Документы, не люблю бюрократию, — поежилась женщина, — просто мерзость. И что же...поглядим, кто тут у нас. Девушки, одна из вас подписала документы о передаче собственности, но также там был документ о передаче родового проклятья! Ха-ха, интересно.

— Это, должно быть, какое-то недопонимание, я думала, что это была шутка.

— Но ты же подписала!

— Я не знала, что...

— Тихо! Тишина, — шикнула незнакомка, — ты подписала этот документ. Ты ведь Ангелина? Итак. А кто вторая?

— Я ее сестра, Валерия Лейвиц.

— Я поняла твой план, Ангелина. Можешь быстренько сделать это, — она кинула на бумаги нож и медальон, — капелька крови и можешь бежать домой, — ее тон был легким и насмешлив, — давайте, девочки, у меня куча работы, а тут вы со своей передачей долга.

— Долга? Какого еще долга? Ты должна им денег, Ангелина? — Валерия посмотрела на сестру, — давайте мы заплатим вам деньги! Сколько вы хотите? Мы заплатим!

— Не нужны мне ваши деньги! — Незнакомка отмахнулась, — причем тут деньги? Они замешаны здесь лишь косвенно. По документам фигурирует в данном деле один человек. Проклятье было передано от одного человека к другому. Так что и нужен мне один человек. Давайте быстрее решайте, кто из вас останется.

— Я ничего не понимаю, — Валерия покачала головой.

— Она тебе не сказала? — Незнакомка указала на старшую из сестер, — ах, все еще интереснее, чем я думала. Твоя старшая сестренка подписала договор с человеком, который был одним из тех 3 тысяч проклятых счастливчиков, но ему удалось сбежать, однако проклятье преследовало его всю жизнь. Изрядно устав, он нашел способ передать проклятие другому человеку, сделал несложный ритуал, подписал документы и вместо него мы нашли вас с сестрой. Остаться здесь должна Ангелина. По сути. Однако также по сути она может передать проклятье другому человеку, но только тому, кто является родственником.

— Что? Так ты с самого начала позвала меня...только из-за этого? Я знала, что здесь что-то не так!

— Я не знала! Я не знала! И вообще, он же был сумасшедшим! Я думала, что этот ритуал и пляски с бубном ничего не значат! Я считала, что старик просто бредит и готов отдать квартиру за бесценок! Это была просто выгодная сделка!

— Ты обрекла нас на верную смерть!

— Не вас, а одну из вас! — Поправила ее женщина, — та, что останется здесь, должна пролить свою кровь на медальон, чтобы проклятье вступило в силу, быстренько. Решим все. И пойдем каждая по своим делам, ага?

— Мы не сможем выбрать одну из нас!

— Какая ты наивная, твоя сестра давно все решила.

— Это неправда! — Валерия взглянула на сестру, — Ангелина? Скажи мне! Ангелина?

Ангелина молчала. Ее рука быстро потянулась к запястью Валерии. Она резко схватила его, потянула на себя и оставила на ее ладони порез. Несколько капель крови упало на медальон. Ни одна мышца на лице Ангелины ни дрогнула. Она смотрела сестре в глаза, пока ее лицо оставалось все тем же. Валерия не верила всему, что происходило. Из ее приоткрытого от удивления рта вырывался горячий воздух, устремлявшийся легкими облаками пара к небу.

— Почему? — Только и успела сказать Валерия, прежде чем из тумана возникли безликие тени, подхватившие Ангелину за руки.

— Ты бы все равно умерла от рака, Валерия, одна из нас должна жить! Глупо оставаться вдвоем! — Кричала она, пока ее оттаскивали к воротам, — дайте мне обнять ее!

— Это лишнее, — бросила через плечо незнакомка.

— Лера, я вернусь за тобой!

— Не слушай ее, она не вернется. Вставай, иди за мной.

Лера едва смогла встать и последовать за женщиной. Ее силы были на исходе. Они шли по темным коридорам. Ото всюду доносились шорохи и всхлипы. Шершавые стены были покрыты налетом плесени и пыли. За спиной девушки захлопнулась дверь. Она присела на коричневый кожаный стул, уставившись на женщину, лицо которой было ей так предательски знакомо. Сидя за столом и что-то записывая на пожелтевших страницах, она сказала:

— Меня зовут Мисселина, а ты? Валерия Лейвиц, я правильно понимаю?

— Мисселина?

Память Валерии отбросила ее сознание на несколько десятков лет назад. Она видела эту передачу по телевизору. Это был юбилейный выпуск в программе золотой коллекции. Выпуск 1970-ых годов. Ее звали Мисселина. Имя было ненастоящее. Псевдоним. Это была красивая женщина с короткой прической золотистых волос и яркими голубыми глазами. Она появлялась на различных телешоу, представляясь медиумом. Экстрасенсом. Проводила публичные спиритические сеансы. Волна ее популярности пришлась именно на десятилетие 50-ых, однако в 1970-ых она пропала с телеэкранов. Потому что оказалась втянута в довольно трагичную историю, связанную с печально известным городом.

Все началось со звонка. К ней на прием записался некий Кларк Шабуров. На тот момент политик-неудачник. Он желал все и ничего сразу. Желал славы и власти. Красивых женщин. Любви. Признания. Всего, чего у него никогда не было, но при этом сам он не желал за это платить. Не желал ради этого работать и дня. Его сальная физиономия явилась в квартиру Мисселины и потребовала от нее чуда. Такие трюки Мисселина исполнять не умела, но при виде чемодана с деньгами она все же решила попробовать научиться. Ее познания в области оккультных знаний были скудны. Мисселина была сверхчувствительным человеком, способным прочувствовать внутренние переживания любого с первого взгляда. Этим она и удивляла окружающих, тогда как спиритические сеансы были лишь постановкой. Театральным шоу, в котором она играла потрясающе правдоподобно, иногда думая, не податься ли ей в актрисы. Теперь же она должна была обратиться к более серьезному материалу, чтобы хоть как-то попытаться помочь Шабурову. Исследовав тонны оккультной литературы, Мисселина нашла нужные ритуалы и заклинания. Во сне к ней стали приходить сущности, с которыми она вступала в контакт. Самой Мисселине казалось, что она просто сошла с ума, но о подробностях их разговоров сообщила Шабурову лично. Их роковая встреча состоялась на месте будущего завода Залесного.

— Зачем мы здесь? — Задумчиво спросил мужчина, оглядывая ряды деревьев.

— Они сказали, что здесь будут заводы. Твои заводы.

— Они? А, эти твои. Шалопай, да? — Шутливо пробормотал Кларк, — а, хорошо хорошо, а что сделать-то надо?

— Людей убить.

— Сколько?

— Чуть больше 3 тысяч.

— Что значит, убить?

— То и значит, господин Шабуров.

— Ну...убить так убить, — Кларк развел руками, порылся в кармане и достал

сигарету, — как убить?

— По особому.

— Не понимаю. Можно сразу к делу? Что ходим, Мисселина? Вокруг да около? К сути. Сразу к сути. Кого убить? Как убить? Где убить? В подробностях.

— Мне пока не сообщили подробностей. Самое главное — это вопрос цены. Вас устраивает цена в 3 тысячи жизней, которые нужно будет отдать?

— Вполне, — он пожал плечами, закуривая сигарету, — это сразу нужно сделать?

— Нет. Сначала они должны приехать сюда. Вначале построят заводы. Начальником будете вы. Первые 3 тысячи приезжих должны будут совершить ритуальный обряд.

— Э...это уже странно.

— Не волнуйтесь. Мы приурочим его к какому-нибудь субботнику. Сделаем так, что это будет всего лишь посвящение. Например, пусть это будет часть какого-нибудь праздника. Нарисуют себе символы в лесу и ничего не поймут. Сделают это в незнании. Вас это устраивает?

— Да. И потом вот этих 3 тысячи нужно будет твоим ребятам отдать?

— Да. Именно.

— Когда?

— Когда попросят.

— И за это они исполнят мои просьбы?

— Вы можете в этом не сомневаться.

Мисселина не была уверена в том, что эти видения не являются лишь плодом ее воображения, но по странным стечениям обстоятельств заводы были построены на той местности довольно быстро, а начальником поставили именно Шабурова, который никогда не был связан с металлургической отраслью. Кларк также встретил в это время Юлию Лукину — очень популярную в то время актрису. О ней мечтали миллионы. Она была молода и прекрасна. И, самое главное, влюбилась в этого отвратительного человека и полюбила его, как будто совершенно не замечая в нем ничего плохого. Чуть позже Шабуров был удостоен звания почетного деятеля Советского Союза. Награду ему вручал сам президент. Все это происходило под чутким присмотром Мисселина, которая передавала ему информацию — что сделать, как и когда. Она совершала ритуалы и время от времени давала Кларку советы. Вскоре успех вскружил Шабурову голову, и он позабыл о своей сделке. И о своем долге. Мисселине удалось прорваться к нему в кабинет лишь однажды. Это было в 1970-м году.

— Это незамедлительное! Незамедлительное решение! Вам нужно принять незамедлительное решение! Кларк! Прошу! — Она без умолку кричала на него, — они меня не оставляют ни на минуту, я чувствую их даже сейчас. Он ждет. Он ждет вас. Понимаете, чтобы выделить энергию на ваши свершения, на все эти заводы, на весь ваш успех, он тоже пошел на определенные убытки, которые сейчас же нужно восполнить! Нужно сейчас же отдать ваш долг! Мы с вами его обсуждали! Мы обсуждали! Господин Шабуров, немедленно. Вы очень долго затянули.

— Мисселина, мне очень жаль, что я однажды к тебе обратился. Ты ведь всего лишь сумасшедшая, — сказал он, сидя за дубовым столом, — ты поверила в себя, считая, что мой успех — это твоих рук дело и этих твоих...демонов. У тебя шизофрения, моя дорогая. Если ты не перестанешь сюда ходить и донимать моих работников, я помещу тебя в психбольницу, где тобой займутся специалисты. Я достаточно хорошо объяснил?

— Господин Шабуров, вы забыли, что это я вам помогала все эти годы? Вы забыли? Это все случилось не просто так. Вам по судьбе ничего такого не было дано. Не по силам вашим. Не по уму. Не по способностям. Это не ваша заслуга. Вы воспользовались услугами других сил. И теперь пришло время платить по счетам.

— Ты у них своего рода кредитный специалист? — С губ Шабурова сорвалась ядовитая усмешка.

— Не время для шуток. Совсем не время. На вас огромный долг.

— Да кого ты из себя строишь, шарлатанка? Пошла ты.

— Нет! Я не уйду! Это страшно, очень страшно. Произойдет ужасное, если вы не одумаетесь! И с меня тоже спросят!

— Вот и ответишь, раз спросят. Меня как-то никто ни о чем не спрашивает.

— Потому что я ваш проводник. Это моя работа, если вы еще об этом помните.

— Я тебя увольняю. Отпускаю. Ты свободна. Давай. На выход, Мисселина, — жестко отрезал мужчина.

Мисселина знала, что произойдет, но было слишком поздно. Она схватила свое бежевое пальто со стула и отправилась в Залесный. Однако Шабуров опередил ее — у него было собрание. Он показывал завод журналистам. В этот день он даже согласился показать электростанцию. Одетый в серый брючный костюм, он с важным видом расхаживал по помещению:

— Мы построили этот завод, не надеясь на особые успехи, но теперь, спустя...

— Там что-то сверкнуло, — один из журналистов позволил себе прервать его речь, он повторил громче, — что-то сверкает!

— Провода... — Прошептал Шабуров, крича, — все на выход!

Журналисты успели выбежать из здания, но Шабуров, следовавший за ними по пятам, остался в нем навсегда — путь ему преградила деревянная балка, упавшая прямо на его пути. Пожарные не успели. Та часть здания сгорела почти полностью, но тело Шабурова так и не будет найдено. Даже кусочка ткани с его костюма, не говоря уже о его останках. Мисселину ждала та же участь. К моменту возгорания она уже приехала в город и стремглав бежала к электростанции, но ее отвлекло странное видение, и она последовала к стоящему неподалеку металлургическому заводу. Ее голова раскалывалась. Она видела крики. И пожар. Она пробежала внутрь здания, оттолкнув старенькую вахтершу. Ее путь казался ей невыносимо долгим. Она бежала долго. Очень долго. Казалось, что прошла целая вечность, а темный коридор с белыми плитками не заканчивался. И она вдруг осознала, что спит. Однако этот сон был невероятно реальным. Это было нечто похожее на сон, но что-то иное. Мисселина огляделась — это были они. Они стояли рядом с ней и тянули к ней руки. Мисселина закричала от ужаса. Вот только ее никто не услышал.

Так она и оказалась там, где находится по сей день — в небольшом заброшенном цехе Залесного. Мисселина не имела связи с настоящей жизнью и реальным миром. Мисселина не считала года. Она просто делала свою работу. Это все, что было в ее силах. Если бы она могла повернуть время вспять, то вытолкала бы из своего кабинета Шабурова с тем проклятым чемоданчиком, полным шуршащих купюр. Ее алчность погубила ее. И обрекла на вечные страдания.

— Что вы здесь делаете, Мисселина? — Голос Валерии вернул Мисселину из воспоминаний обратно.

— Работаю, не видно?

— Кем?

— Ты задаешь слишком много вопросов! Тихо, мне нужно документы заполнить и отправить тебя на службу, — Мисселина уткнулась в бумаги, черкая ручкой, — Валерия Лейвиц, расскажи мне, что ты умеешь?

— Я ничему такому особенному не училась...

— Да уж. Назови хоть что-то.

— Буду делать, что скажете, — уныло произнесла девушка, смирившись со своей участью.

— Скажи, а ты не знала, что твоя сестра подписала тот договор с проклятым мужчиной и совершила ритуал?

— Нет, не знала.

— А что ты тут делала?

— Я пришла спасти ее. Она сказала, что потерялась.

— Ее окружил туман и машина заглохла?

— Да, именно так.

— Не хочу тебя расстраивать, но она знала, что с ней произойдет. Тот мужчина...он говорил ей о том, что она выйдет из его квартиры и по пути у нее заглохнет машина. И ее заберут сюда. Если же она захочет вернуться, то должна кого-то из родственников оставить здесь. Она все знала.

— Не думаю, что она восприняла это всерьез.

— Возможно. Однако она знала. И позвала тебя на помощь. Не кого-то другого, а тебя. Ее сестру.

— В том и дело! Мы сестры! Мы сироты. У нас никого больше нет. И я даже рада, что хоть одна из нас спаслась. Я рада, что она может жить дальше нормальной жизнью. Пусть даже такой ценой.

— Это все очень и очень грустно. Ладно...в цех я тебя точно работать не отправлю, как насчет больницы?

— Я не думаю, что достаточно квалифицирована для данной работы.

— Не волнуйся, больница построена над несколькими подземными цехами по добыче руды. Они там и так все мертвые, но временами травмируются. То есть не временами...постоянно. Мне нужна медсестра. Последняя повесилась.

— И насколько долго? Какой будет срок службы?

— Не знаю.

— Вечность?

— Не знаю. Вот как люди обычные живут? Живут себе и живут своей жизнью, а потом умирают, когда их плоть приходит в негодность. Здесь принцип такой же. Ничего аномального.

— А разве заводы все еще работают?

— Ну да...только начальник сменился, — мрачно произнесла Мисселина, — все, иди, тебя проводит мой помощник. Не бойся его. Большинство здешних ребят сильно покорежила радиация, но стараниями Доктора Кричтона они еще живут. Иди давай. Быстро за работу! Сколько ты еще собралась здесь сидеть?

Валерия тотчас же вышла из кабинета и увидела в свете мигающей лампы высокое странное существо. Это был монстр с длинными конечностями, передвигающийся сразу на четырех из них. На его голове была пластмассовая маска, а за ней — два сверкающих белых

глаза. Девушка прижалась к стене и тяжело дышала.

— Меня зовут Хусейн, пойдём со мной. Пожалуйста, не бойся меня, я не хотел...тебя напугать, — сказал он тихим приятным голосом осторожно и вкрадчиво.

— Хорошо, куда мы пойдём?

— В больницу. Ты новая медсестра?

— Все верно.

— И как тебя зовут?

— Меня зовут Лера.

— Рад встретить тебя, Лера, но я должен сообщить — тебе не очень повезло. Доктор Кричтон строгий. Любит порядок.

Они шли по пустынным улицам, объятые туманом, и болтали, как обычные приятели. Хусейн передвигался на невероятно длинных конечностях, как большое насекомое. Лера по-прежнему боялась на него смотреть, но монстр оказался добрым и дружелюбным, казалось, он не хотел ей навредить, поэтому она чувствовала себя вполне комфортно в его компании.

— А дальше я не пойду, — сообщил он у входа в больницу, — там опасно.

— Меня убьют?

— Ты...уже мертва, Валерия.

— Мертва?

— Не совсем верное слово, но подходящее. Это пограничный мир. Один из них. Мы все здесь — его заложники. И Доктор Кричтон тоже. Его кабинет находится сразу за стойкой информации. Желая тебе побыстрее свыкнуться со здешними реалиями, возможно, однажды они отпустят тебя ненадолго погулять и мы с тобой сможем поболтать подольше. Пока-пока.

Монстр отошел, обернулся и помахал ей на прощание, после чего его силуэт растворился в непроглядном тумане.

4 глава

Больница Залесного была адским местом. Построенная над несколькими подземными цехами, она насквозь пропиталась страданиями и жаром, веющим из преисподней. Всего в ней было 4 этажа, два из которых пустовали. На первых двух иногда проводили операции, но большая часть работ велась в подземных палатах. Доктор Кричтон знал свое дело. За его спиной было сорок лет практики в главной областной больнице Обвинска. Когда-то он рассчитывал на спокойную старость, но судьба распорядилась иначе. И он застрял на своей должности. Навечно. Он не совершал зла при жизни. Не делал плохого. Не совершал плохих поступков от слова совсем. Он был деятельным человеком, преуспевающим врачом. Педантичный и упорный в своей работе. Он пытался спасти каждого своего пациента и сделать для него все, что в его силах. Так почему же он оказался там? Это вопрос, над которым Доктор Кричтон рассуждает уже не один десяток лет. И впереди у него еще целая вечность.

Оказавшись в пограничье, Доктор хотел покончить собой, но вскоре он сумел найти баланс между жизнью и смертью, сумел найти свою собственную прелесть в изуродованных телах и истошных криках, раздающихся ниже. И в его глазах навечно поселилось отчаяние. Медсестры не могли привыкнуть к своей работе. И накладывали на себя руки. Те, кто мог. Пограничье по-разному действует на всех: кто-то сразу приходит сюда мертвым, а кто-то еще недолго остается живым, привязанным к миру людей. Окинув новенькую своим стеклянным взглядом, Доктор Кричтон выдал ей абсолютно без колебаний фразу:

— Лучше сразу покончи с собой, пока можешь. Хотя бы попытайся. Ты здесь и дня не продержишься.

— Вы меня недооцениваете, Доктор.

— Неужели? Скажи, ты слышала о здешнем нулевом пациенте?

— Нулевым?

— Да, его палата не имеет номера и находится на самом нижнем этаже, близком к входу...туда. В подземный цех. В ней и лежит тот самый нулевой пациент. Мы его так называем, потому что его имя проклято. Как и он сам. Ты, вероятно, и не знаешь, кто он такой. Много лет назад он заключил контракт с темными силами и пообещал им 3000 душ в обмен на собственное благополучие, но свою часть сделки он...не выполнил. С тех пор все заводы, которыми он управлял, в реальной жизни заброшены, а здесь...здесь они продолжают работать. Под другим руководством. И это руководство совсем их не щадит. Они могут повредить себе все, что только можно повредить. Они кричат. Адское пламя пожирает их живьем. Хотя они не в реальности, но чувствуют все так же, как и люди, все чувствуют. Все ушибы, синяки, порезы, разрезы, переломы...да только умереть не могут. Они обречены вечно там страдать. Из-за нулевого пациента. И сам он обрел свое вечное пристанище в этой безномерной палате.

— А почему он там? Что с ним не так?

— Увидишь.

Валерия переоделась в униформу медсестры: накинула на себя белый халат, завязав его бантиком сзади, нацепила на голову твердую белую шапочку и силиконовые перчатки. Они с Доктором Кричтоном зашли в решетчатый лифт. Мужчина сказал ей держаться за стенки, а сам крутанул ржавый рычаг лифта вправо. Адское строение с огромной скоростью и скрипом устремилось прямо в преисподнюю. Девушка почувствовала жар. Ее лоб покрылся испариной. Как будто прямо рядом с ней кто-то разжигал печку.

Нулевая палата была единственной на этом этаже. Она и Доктор Кричтон вошли в нее медленно и без лишнего шума. В темном и абсолютно душном помещении располагалась посередине кровать, окруженная белыми больничными занавесками. Весь пол и все стены были покрыты гарью, но самой ужасной была тишина, в которой раздавались тихие всхлипы. Прислушиваясь к ним, нельзя было понять, просит ли человек о помощи, плохо ему или хорошо, плачет он или наоборот, смеется. Это были хриплые звуки. Как будто ему было невероятно трудно дышать. Доктор Кричтон указал на поднос с инструментами:

— Периодически здесь проводятся операции. Мы подправляем его органы...его кожу и конечности, чтобы жизнедеятельность его организма продолжалась. Сам он уже лишь отдаленно напоминает человека, которым был при жизни.

— Почему же вам просто не убить его? Если он так страдает.

— Это слишком сложно, милая. Мы убьем его. И тогда что будет с остальными 3 тысячами? Из-за чего они страдают тогда? Нет. Его страдание должно быть совершенно. Их страдания должны быть обоснованными.

— Вы просто псих! Сами себя слышите, Доктор? Ваши слова не имеют никакой логики.

— Поработай здесь почти 40 лет и поймешь, как быстро потерять рассудок. Думаю, что ты потеряешь его еще быстрее, чем я, ведь в твои обязанности входит ежедневное обмывание его...тела.

Сказав это, он резко открыл шторы. Валерия вскрикнула от ужаса и закрыла глаза руками, перед ней предстала ужасная картина: на больничной кровати лежало голое и

полностью изуродованное тело Кларка Шабурова. Оно было полностью безобразным и бледным, покрытым трупными пятнами. От него несло запахом разложения на всю палату так сильно, что запах просачивался и за ее пределы. Каждая из глазниц Шабурова была полностью пустой. Его рот не имел зубов, а вместо носа у него были лишь две маленькие дырочки. Его туловище было сплошь в кроподтеках и шрамах, а правая нога отсутствовала. Он напоминал обезображенный холодный труп, но его грудь тем временем по-прежнему вздымалась. Он все еще был жив.

— Почему он...почему он...живой?

— Я же тебе все рассказывал. Бери тряпочку. И начинай мыть. Она стоит в углу, а я пока посмотрю, что там у него со шрамом на правой ноге. На месте сгиба начался процесс разложения, это бы повредило всем остальным тканям, так что мы ее ампутировали. Ты берешь или нет тряпку? — Кричтон уставился на девушку, как на полную дуру, — ты понимаешь, в чем заключается твоя работа на данный момент? Бери тряпку! И...у него еще есть иногда скопления насекомых в глазницах и рте, поэтому промывай их особенно тщательно.

— Я не буду. Я не буду этого делать.

— Тогда иди и попробуй убить себя. Больше ничем не могу помочь.

— Я хочу уйти отсюда. Я просто хочу уйти отсюда.

— Иди. Дверь открыта, но там нет выхода в реальный мир. Только эти чертовы туманные дороги. Ты походишь по ним пару недель, тебе наскучит и вернешься обратно. Я тоже через это проходил. Поверь, там нет абсолютно ничего, а здесь хоть какие-то занятия.

Валерия не слушала его дальше. Она пулей выскочила из больницы, сбрасывая с себя фартук и перчатки. Ее ноги несли ее все дальше и дальше от больницы. Она не помнила, как долго бежала, но внезапно в ее боку закололо, а дыхание стало затрудненным. Девушка остановилась, окруженная бескрайними туманными облаками и прижалась спиной к фонарному столбу, погружаясь в сон.

Проснувшись она уже утром. В теплой постели. На ее лицо падали лучи солнца. Она медленно подняла веки и обнаружила себя лежащей в кровати. Все было позади. И сестра. И этот ужасный город. И этот завод. И этот доктор. Просто сон. Плохой и отвратительный. Лера выдохнула с облегчением и присела на кровати. Она внезапно поняла, что ее зрение все это время после пробуждения было расфокусированным. Когда оно пришло в норму, девушка поняла, что по ошибке приняла свет лампы над головой за лучи солнца, но вот комната была вполне реальной.

— Приснится же, — выдохнула она, когда услышала, как кто-то заходит в ее комнату.

— Ты уже проснулась?

Голос был знакомый. Она, как мумия, застыла в сидячем положении у изголовья кровати и наблюдала за тремя людьми, вошедшими в ее комнату. Один из них, конечно, уже смутно напоминал человека. Хусейн — монстр с длинными конечностями, Мисселина и Доктор Кричтон собственной персоной смотрели на нее. Лера похлопала себя по щекам. Закрыла и открыла глаза, но страшное видение никуда не делось. Она закричала, подбежала к окну и выглянула — это был Залесный. Разрушенный и пустой город с туманом за окном. Это был не сон.

— Детка, куда же ты убежала? По городу сейчас бродят сбежавшие рабочие, я не хочу, чтобы ты пострадала, — заботливо сказала Мисселина, подходя к кровати, — в следующий раз сообщи мне, если отправишься на прогулку, а еще было плохо вот так бросать Мистера

Кричтона одного в палате, я назначила тебя его помощницей. Ты помнишь?

— Да, Валерия, Мисселина права, больше не убегай, там может быть опасно, выхода отсюда ты все равно не найдешь, — раздался милый голос монстра за спиной Мисселины.

— Моя сестра. Она вернется за мной.

— Она не вернется за тобой. Никто не вернется за тобой. Никто никогда не придет, Валерия. Отныне мы — твоя единственная семья.

— Нет, нет, нет, нет, нет, — шептала Лера, сжимая в руках одеяло, она закричала, — нет!

Отзвук ее голоса разнесся по округе, распугивая ворон. И никто его, конечно же, не услышал. Лишь черные птицы, улетающие к серым облакам.

Ночная смена

Серые и молчаливые надгробия. Облезлые стволы осенних деревьев. И грязный снег, падающий с неба. Не самая радужная картина предстала перед Никитой Шолоховым, когда он пришел по адресу, указанному на сайте. Сначала он хотел сбежать, как трусливый мальчик, каким он и был в реальности, но острая нужда в денежных средствах побудила его развернуться и продолжить свой путь, преодолев черные решетчатые кладбищенские ворота. Ему было всего 15, когда его бабушка заболела. Острая инфекция и слабый иммунитет быстро сделали свое дело. Благо, она еще боролась за жизнь, поэтому врачи оставили маленький просвет для слабых лучей надежды в огромных дождевых облаках, нависших над семьей Шолоховых, состоящей из двух человек — 15-летнего Никиты и 78-летней Антонины Шолоховой. После своего 16-летия Никита твердо настоял на своем решении найти заработок, чтобы хоть как-то облегчить им обоим и без того бедное существование. Тогда он понял, насколько тяжела на самом деле была жизнь Антонины все эти годы с маленьким внуком на руках в небольшом поселке городского типа: работа была только на местных камерных предприятиях, большинство рабочих мест было уже занято и другой работы практически не было. Если же она появлялась, то за место в каком-нибудь захудалом продуктовом магазинчике нужно было побороться с несколькими десятками других кандидатов.

Никита не сдавался. Даже без образования и опыта. Он искал нужную вакансию. И нашел ее. Условия в объявлении были просто райскими: «Требуется ночной сторож на подработку на полевой объект. Смена с 21:00 до 8 утра. Оплата сдельная сразу после смены». Что значит полевой объект — не было указано. И адрес перед выходом Никита не проверил. Только созвонился с менеджером по указанному телефону, назначил собеседование и сразу же вышел из дома ранним утром, чтобы быть одним из первых, кто туда придет. Тогда его шансы на получение должности в разы бы повысились. Ход его мыслей был возможно и логичным, но привел он его в итоге на старое кладбище Святой Софии, расположенное вдалеке от жилых районов. Захоронения на этом кладбище датировались столетними периодами. Никита однажды уже бывал на этом кладбище на школьной экскурсии. На ней престарелый экскурсовод рассказывал о привидении несчастной дочери местного купца, когда-то жившего в этой местности. Его звали Алексей Невеллионов. Помимо шестилетней дочери Кристины у него было еще шесть детей. Многодетный отец не знал горя до тех пор, пока Кристина не заболела чахоткой. Болезнь унесла жизнь девочки не быстро. Говорят, что она лежала в своей постели, мучаясь и страдая, зовя своих родителей, но никто не приходил. Согласно легенде, перед смертью дочери жена поведала Невеллионову страшную тайну. Шокированная от предстоящей

трагедии женщина выдала все, что знала. И Невеллионов возненавидел свою дочь. Все эти факты до сих пор не выяснены и запутаны, но, согласно некоторым недостоверным источникам, в последний раз Невеллионов женился на своей сестре, не зная этого. Все его предыдущие дети были от другого брака. Только Кристина родилась в союзе двух родственных душ. И все же. Никита никогда не мог понять, почему же Невеллионов проклял свою ни в чем неповинную дочь за то, чего она не делала? И так жестоко обошелся с девочкой? Вместо надгробия для могилы девочки была изготовлена плита, на которой была изображена странная маска — символический рисунок лица. И саму девочку похоронили не в тихом и спокойном месте, а на тропинке. С тех пор там и находится та самая проклятая могила. У самого входа на кладбище.

Никита отвел от себя печальные мысли при взгляде на жуткую могильную плиту, обошел ее стороной, минуя чьи-то могилы. Он поежился от холода и заметил, как на землю падают капли дождя. День у него был не очень, да и одет он был не по погоде. И все же парень дошел до домика охранника, представлявшего из себя небольшую деревянную конструкцию с треснувшим окном. Шторки его были плотно закрыты. Никита постучался несколько раз, но ему никто не открыл, тогда он подошел к окну и попытался разглядеть, нет ли никого внутри?

— Кого ищешь? — Голос был недружелюбный и злой, он раздался прямо у него за спиной, от чего парень подпрыгнул от внезапности.

Напротив Никиты стоял двухметровый мужчина в спортивном костюме хаки, не имевший никаких волос на голове, включая брови. Над его бровью был вытатуирован ворон, а на шее висел огромный крест. Вид у него был устрашающий. Парень сжался от страха. Он был далеко не из храброго десятка.

— Я...я... — Никита прижал руку к грудной клетке, со страхом поглядывая на своего собеседника, ему не хотелось здесь оставаться, но делать было нечего, и он сказал на одном дыхании, — я работу тут ищу, опыт есть, готов к любой нагрузке.

— А, так ты объявлению, — мужчина изменился в лице, тон его голоса стал мягче, — тогда давай обсудим. Для начала. Ну так, чтобы не терять время. Скажу...работа ночная. Готов к такому графику?

— Да, да, конечно, он для меня самый идеальный. У меня...дела утром и днем.

— Отлично. Подпишем документы? И приступишь сегодня?

— Сегодня? Прямо сегодня? Вот так вот сразу? — Никита был далеко не глупым и почувствовал в такой спешке некий подвох.

— Да, а что такого? — Без тени сомнения спросил его лысый собеседник, — подписываем документы, отработываешь смену, утром я тебе даю деньги, и ты идешь себе по своим делам, идет?

— Документы? — Никита понял, что работу ему не получить, если он подпишет документы, ведь ему было всего 16, - а можно без них?

— Без них? Еще лучше! Парень, где ты был все это время? Ненавижу всю эту бюрократическую херню! Пойдем тогда по обязанностям тебе все расскажу! — И он завел его в небольшой домик, слегка кашлянув, — эм, тут слегка не было прибрано, тут это... недавно только был прошлый сотрудник. У него там появились какие-то свои дела. Вот как у тебя. И свалил. Даже жратву за собой не убрал. Придурок.

— Так может он еще вернется?

— Нет, он сказал, что больше не придет. Я не думал, честно говоря, что мне удастся так

быстро найти замену. Обычно мало кто приходит.

— Да? Почему?

— Короче, парень, как тебя зовут? — Мужчина положил юноше руку на плечо, а после схватил использованную посуду и выкинул в мусорку, добавив, — меня зови Дядей Андреем.

— Э, окей, — неловко протянул Никита, тихо сказав, — меня зовут Никита. Никита Шолохов.

— Хорошо. Никита Шолохов. Следуй за мной. Я тебе тут все покажу быстренько, — он махнул рукой и позвал его за собой.

Они вышли из домика. Дверь со скрипом захлопнулась. Дождь тем временем усиливался, но Дяде Андрею, кажется, было совершенно плевать. Он шел и активно жестикулировал, показывая то направо, то налево:

— Кладбище старое. Мало кто уже приходит. Обычно по праздникам, знаешь, там... типа ну, церковным. Тогда да. Тогда приходят. Цветочки носят. Могилки убирают. Старушки в основном. Им и самим уже скоро... понимаешь, да?

— Ага, — мрачно кивнул Никита, — а что входит в мои обязанности?

— В объявлении было указано — сторож. Вот и сторожи.

— Вы смешной, — парень усмехнулся, — что значит «сторожи»?

— Смотри, чтоб никто не проник. Какой-нибудь плохой человек. Пойдет и будет вандализмом заниматься. Зачем нам такое? Нам такого не надо. Наша работа с тобой — сторожить покой всего этого. Держать все в чистоте и порядке. По мере возможностей. Если вдруг где-то ветка большая упала прямо на тропинке — подними. Если вдруг где-то очень много листьев — подмети. На глаз все смотришь. И делаешь. Сильно я тебя ругать не буду ни за что. Главное, чтобы посторонние не проникли и не натворили тут чего...незаконного, ты понимаешь, да? Вот в чем суть.

— Да, понимаю, — закивал юноша.

— Тогда жду тебя сегодня в девять вечера. Возьми с собой покушать там. Попить. Выходить отсюда нельзя до рассвета.

— Окей, понял. До встречи.

Никита помахал ему на прощание и направился к высоким воротам. Этот Дядя Андрей уж точно не внушал ему никакого доверия, но делать ему и вправду было больше нечего. Бабушка совсем слегла. Ее здоровье уже давало сильный сбой. Она не выходила на работу несколько месяцев. И скоро в холодильнике должна была закончиться последняя банка консервов. Парень тяжело вздохнул. Работать ночью — идея такая себе, но днем он должен быть в школе. И тут. Он обернулся и окликнул своего нового знакомого, сидевшего на лавочке:

— Дядя Андрей! — Никита снова подошел к нему, — я спросить хотел... можно?

— Спрашивай, конечно! — По-доброму ответил ему мужчина, откусывая часть пирога, он говорил, продолжая жевать, — что-то ты какой-то странный, парень. Сам не свой. Что хотел спросить? Ну.

— Я хочу узнать. Хочу узнать о вашем бывшем сотруднике...

— И? Что именно? Я не могу рассказывать о своих сотрудниках. Это конфиденциальная информация.

— А почему он ушел? И вещи свои оставил. Даже не вернулся за ними.

— Сбежал. Просто оставил свое место работы. И ушел.

— Почему?

— Не буду тебе лгать, парень. Про это место много ходит легенд. Ты наверняка какие-то слышал. Поэтому-то мало кто здесь хочет на ночь оставаться. И мне не очень хочется. Сотрудники часто так... знаешь... увидят что-то, что-то там себе придумают и бегут отсюда. И этот вот. Из таких же попался.

— То есть он что-то увидел?

— Не знаю. Просто. Суеверный. Не надо себе голову таким забивать. В темноте мало что может померещиться, хотя ночью тут и жутковато. Соглашусь. Однако ничего особо опасного здесь нет. Можешь не переживать. Оружие имеется. Защититься сможешь если что.

— Окей. Тогда я пока пошел. Вечером приду.

Никита вышел за ворота и отправился в школу. Идти пришлось долго. Первый урок он уже пропустил. Мысль эта была едким ядом в его мозгу. Учительница математики наверняка устроила контрольную работу. И напомним ему о его отсутствии. Обязательно. Шолохов, как бледное и уставшее привидение плелся по пустому школьному коридору. Это была не перемена, поэтому все ученики находились в классах. Он не ожидал, что кто-то прикоснется к нему. И вздрогнул — две маленькие тонкие ручки обвили вокруг его грудной клетки, а светлая голова плотно прижалась к его белой рубашке. Никита застыл в одном положении, смотря вниз на улыбающуюся девочку — он был в такой прострации, что даже не заметил, как она подошла. Это была девочка из средней школы. Юля. Она уже много раз смотрела на него со стороны. И он замечал ее взгляд, но она никогда не позволяла себе вот так бесцеремонно подходить к нему и прижиматься. Неловкий момент не заканчивался.

— Отпусти меня, — прошептал Никита.

— Нет! — Возразила девочка, плотнее прижимаясь к нему, — почему ты такой злой?

— Я не злой. Я опаздываю на урок. Пусти меня.

— Нет! Ты прочитал мою записку? — Она наивно хлопала ресницами, заглядывая ему в глаза, — я тебе записку писала!

Никита тяжело вздохнул: конечно, он читал ее записку, в которой маленькая девочка признавалась ему в святой и вечной любви, а после выкинул ее, так как все это было очень странно и неловко. Он не хотел с ней об этом разговаривать и старался просто избегать этой светловолосой бестии настолько, насколько это было возможно. Она была младше его на 5 лет. Юля была очень симпатичной и ухоженной девочкой-блондинкой с голубыми глазами, внешне напомилавшей милую фарфоровую куклу. И он бы даже мог с ней подружиться, но она была уж слишком назойливой и странной. Порой ее выходки в его сторону доходили до крайностей: она пыталась выведать о нем все, фотографировала его, ревновала к его же бабушке, одноклассникам и первому попавшемуся столбу. Девочка вообще имела много странностей — например, просила называть ее не Юлией, а Джулией. Ей казалось, что так ее имя звучит лучше.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Юля. Какая записка? — Спросил парень, так и застыв в одной позе.

— Я тебе вчера под учебник положила на перемене! И меня Джулия зовут!

Девочка обиженно надула губы и убежала прочь. Никита выдохнул. Он терпел моменты, когда она пыталась с ним заговорить. Ему не хотелось быть предметом общих насмешек. Тяжелых испытаний в его жизни и без того хватало.

Меж тем школьный день тянулся невыносимо долго. На всех уроках Шолохов летал в облаках, не в силах сосредоточиться — все его мысли занимала новая работа. И после обеда он думал о том же. Стоили ли эти деньги такой нервотрепки? Никита боялся. Он боялся не

только кладбищ. Он всегда боялся всего. Поэтому он не был готов к такому испытанию. Совсем не был. И все же в 21:00 он собрался с силами и постучался в дверь сторожевого домика.

— Ты пришел, парень! — Дверь ему открыл радостный Дядя Андрей, — проходи, располагайся.

— Здравствуйте, спасибо, — сухо выдавил Никита, он еле сдерживал свои негативные эмоции.

— Ты еду-то с собой принес? Если что — вот здесь макароны я тебе оставил и котлету. Ешь на здоровье. Вот тут фонарик, но у тебя ж на телефоне есть, ага?

— Ага, — кивнул Никита, не запоминая ничего из рассказа своего коллеги.

— И вот тут еще есть кое-какие инструменты. Тут чайник и чай. Тут ложки. Тут кружки. А вот здесь есть ножи. На всякий случай. Порезать колбасу, например, а еще...есть небольшой пистолет. Травмат. Под столом. Его использовать только в самых крайних случаях. Это связка ключей, — он показал на ключи, висевшие на маленьком гвоздике у двери, — после моего ухода тебе следует запереть ворота самым большим ключом. Всего ключей десять. Один от ворот — самый больший, серебряный маленький — от ящика с травматом, серебряный золотой — от электропроводки, если вдруг заклинит, а все остальные — тебе не понадобятся.

— Почему?

— Просто. Не понадобятся, — мужчина пожал плечами и передал ему связку, — закрой за мной и за работу.

Когда ворота за Дядем Андреем закрылись, а ключ был повернут несколько раз, Никита хотел остановить его. И отказаться. И все же. Он должен был попробовать. В этот раз ему точно нельзя пасовать перед трудностями. Точно не сейчас. Он лишь спросил:

— Дядь Андрей, подождите!

— Что еще? — Испуганно обернулся тот, — что такое?

— А...ничего не хочу плохого сказать про вас, но вы же мне не все рассказали?

— Чего?!

— Вы мне не все рассказали. Есть что-то, какая-то причина, по которой ваши сотрудники быстро меняют это место работы.

— Да, их целых две, парень. Алкоголизм и безответственность.

— Нет. Я не о них.

— Тебе не стоит верить страшилкам для малышей.

— Если это страшилки, то их бояться я точно не стану. О чем же они?

— Ты любопытный, а? Ну, есть там парочка. Помнишь аварию? В соседнем городке в области? До нас радиация почти не дошла. Однако там есть люди, которые пропадали в тот период времени. Эти ребятки, говорят, бродили по лесам. Леса эти с нашими связаны. Прямая к ним дорога. И вот эти ребятки тут и нашли свое пристанище. Тихо. Никого нет. Поэтому и кладбище, лес вокруг него — всегда пуст. Сюда никто не суется. И правильно. Нечего по ночам шастать где попало! Эта одна история. О зомби и всяких таких...другая еще была. Про маленькую девчонку. Про могилу проклятой дочери.

— Это я слышал.

— Дак вот и все. И то это лишь страшилки для детей. Так что не бойся. И теней не бойся. Твое воображение может сыграть с тобой злую шутку, но это всего лишь выдумки твоей собственной фантазии, парень. Бывай.

— Хорошо, Дядя Андрей. Доброй ночи!

Первая ночь на кладбище была, мягко говоря, шокирующей для юноши: он то и дело оборачивался, совершая обход по соседним тропинкам, с ужасом смотрел по сторонам, трясся от страха и холода в этом малюсеньком сторожевом домике без обогрева, один раз чуть не потерялся на территории кладбища, запутавшись в тропинках. Почти сошел с ума, когда смотрел на портреты людей. Ему казалось, они следят за ним. Его паранойя становилась все сильнее. И дошла до своего пика ровно к двенадцати часам по полуночи. Он услышал этот звук. Станный тихий звук. Детское пение. Тонкий детский голосок эхом разносился по округе. Он звучал тоскливо и горестно.

Никита включил карманный фонарик и направил в ту сторону, откуда слышался этот звук. Он не верил своим глазам. И даже подошел чуть ближе. Увиденное заставило его душу мигом спуститься ближе к пяткам: рядом с могилой проклятой дочери виднелся силуэт. Он осветил на него фонариком. Это оказалась маленькая девочка в черном платье. На плечи ее спадали белокурые локоны. Она улыбалась. Он не успел лучше рассмотреть ее. И сразу бросился к домику, заперев дверь на ключ. Его дыхание было сбивчивым. Онемевшими от холода пальцами он набирал номер Дяди Андрея, но тот не отвечал. Затем раздался стук. Кто-то ломился в его дверь. Так продолжалось минут пять, после чего прекратилось. После короткой паузы раздался деликатный стук в окошко. Никита отодвинул край ткани и отпрыгнул от окна, когда увидел, как прямо за ним стоит она. Со злобещей улыбкой на ее лице.

— Я позвоню в полицию, если ты не уйдешь! Еще пять минут и звоню! — Это единственное, что смог в состоянии полного шока и дезориентации придумать парень, — уходи отсюда!

— Зачем, в какую полицию? — Ее голос оказался предательски знакомым, — ты дурачок что-ли? Это я, Джули.

— Юля? Ты?!

— Да. Я выглянула в окно. Увидела, что ты куда-то идешь. Решила узнать, куда ты собираешься пойти так поздно.

— Ты сумасшедшая!

Он вышел из домика. Ее руки моментально сомкнулись вокруг него. Это была она. Это была Джули. Без курточки и теплой обуви. Без телефона и сумки.

— Зачем ты пришла?

— Посмотреть, что ты здесь делаешь.

— Уже поздно. Ты должна быть дома, а не на...каком-то кладбище. И уж точно тебе не стоит следить за мной! Ты с ума сошла? Скажи номер своей мамы. Я ей позвоню и все расскажу. Это когда-нибудь должно закончиться.

— У меня нет мамы, — громко и четко произнесла девочка, добавив, — она давно мертва.

— А, прости...тогда другого взрослого? С кем ты живешь?

— С дядей.

— Родным?

— Да, это мой родной дядя. С нами еще живет его маленькая двухлетняя дочка.

— Назови его номер!

— Хорошо.

Девочка назвала номер. Никита набрал цифры одну за другой. Послышались гудки, но

никто не брал трубку. Так было в первый и во второй раз. И в третий.

— Не берет, — с досадой покачал головой юноша, — моя бабушка тоже не сможет прийти... черт... что же делать? Зачем ты пришла?

— Я хотела узнать, куда ты идешь так поздно. Я хотела быть с тобой. Потому что я люблю тебя.

— Я знаю, — парень ударил себе ладонью по лбу, — больше так не делай. Это странно.

— Почему? Я хочу, чтобы мы были вместе. Мне холодно. Обними меня, пожалуйста, — она потянулась к нему.

— Боже, Юля, ты же ребенок. Пожалуйста, не говори таких вещей. Мы можем быть друзьями, но не больше, — он отдал ей свою куртку, а затем поднял одну бровь вверх, — подожди, а как ты сюда пробралась? Ворота же закрыты.

— Там есть пролаз. В одной из решеток. Ее просто нет.

— А откуда ты о нем узнала?

— Мне часто скучно. И я часто гуляю. В лесу особенно. И сюда уже ходила много раз. И ночью. Охранники такие пугливые, — девочка рассмеялась, а затем снова потянулась к Никите, — так ты обнимешь меня?

— Это ненормально, Юля.

— Джулия, меня зовут Джулия. Ну, пожалуйста, обними меня.

— Ладно.

Никита чуть наклонился вниз и приобнял ее за плечи. Юля, как и всегда, сомкнула вокруг него свои тонкие ручки, а потом вдруг потянулась к его губам. Юноша отпрянул от нее, как от смертельной заразы и указал на нее пальцем:

— А вот так делать нельзя.

— Почему? Я же люблю тебя. Я видела в фильмах, что так делают люди, когда любят друг друга. Я думала, что ты тоже будешь любить меня.

— Юля, я уже сказал, во-первых тебя здесь быть в такое время не должно, во-вторых — ты ребенок, а взрослые мальчики не могут встречаться с детьми. И маленькие девочки не могут делать так, как делаешь ты. Ты меня понимаешь? Ну?

— Нет! Это не так! Я уже большая! — Выкрикнула Юля, по-детски топнув ногой, — ты не прав! Не прав! Нет! Это не так.

Из ее глаз полились горькие слезы, ее щеки покраснели. Она со всей силы швырнула в Никиту его же курточкой и скрылась в ночной темноте. Он побежал за ней, но она была быстрее. Ее силуэт был виден среди могил, а затем исчез. Никита пытался окликнуть ее и еще час ходил между могил, выкрикивая ее имя, но она не отзывалась. Потом он бросил эту затею, найдя ее секретный пролаз, о котором она упоминала. Решив, что девочка просто сбежала, юноша вернулся в сторожевой домик. Он был рад, что она ушла — общаться с ней было тяжело. И все же. С ней могло случиться все, что угодно в такой поздний час, хоть она и знает местность. Это было плохо. Очень плохо. Задумавшись о ней, о ее горьких слезах, мертвой матери и темноте за окном, юноша прислонил голову к стене. И его веки медленно закрылись.

Он проснулся уже утром. Его телефон трезвонил. Это был Андрей. Никита выскочил из домика. И открыл ворота. Дядя Андрей выглядел довольным:

— Ну че, пацан, справился, а, — он похлопал его по плечу, — а я думал, что струсишь. Как тебе местные тени? Видел их?

— На самом деле... не совсем.

— Сегодня придешь еще, а потом выходной тебе дам. Идет? Вот твои деньги. — Мужчина передал юноше смятую купюру.

— Идет, — кивнул Никита, покидая территорию кладбища.

День в школе выдался легким. За исключением контрольной работы по литературе. После тяжелой бессонной ночи, могильных плит и разговора с Юлей Никита устало потирал глаза с огромными синяками под ними и с трудом мог написать что-то дельное о поэзии Лермонтова. К счастью, уроки закончились. И можно было плестись домой и поспать оставшуюся половину дня, а ночью в сторожевом домике заняться домашним заданием.

— Эй, Никита, — в школьном коридоре его остановил одноклассник, — слышал уже о Юле из 5б?

— А что с ней?

— Ее нашли мертвой сегодня утром. Представляешь?

— Что?! — Ужаснулся Никита, прикрывая рот ладонью, — как она умерла?

— Не знаю, но ее нашел вахтер, когда шел на работу мимо леса.

— Какой кошмар...

Юлю нашли в лесу ранним утром. Мужчина 56-ти лет по имени Станислав Воронов — вахтер на местном предприятии по переработке макулатуры. Он шел мимо автобусной остановки и увидел странный кровавый след на дороге. Немного прошел по нему. И нашел в кустах мертвое тело девочки. Ее одежда и покровы тела были целы, а вот ее шея была полностью разорвана в клочья. Девочку похоронили на старом кладбище Святой Софии через три дня. Она была погребена рядом с могилой своей матери. Ее собственный дядя даже не пришел на ее похороны. За погребение отвечала ее классная руководительница. Мария Анатольевна. Женщина собрала ее одноклассников. И они проводили девочку в последний путь. Положив на свежую могилу букет розовых цветов, Мария Анатольевна заметила его стоящим неподалеку. Это был Никита. Она подошла к нему и спросила:

— Никита, почему ты ближе не подошел?

— Зачем? Гроб же закрытый был.

— Почему ты пришел? — С подозрением спросила Мария Анатольевна, — ты же из старших классов. Вы общались?

— Мы жили в одном доме. И часто пересекались. Особо не общались, нет, — юноша покачал головой, — а как она умерла? И почему гроб закрытый? Если это не особо секретная информация, то я бы хотел...узнать.

— Ей перегрызли шею. Скорее всего...дикое животное какое-то. В лесу. Жуткое зрелище. Я была в морге. И...в общем. Ничего хорошего. Очень страшная смерть. Бедная Юля...

— А где ее родственники?

— Не пришли, ее дядя в запое, а остальных мне даже не удалось найти, — сухо сказала Мария Анатольевна, подзывая к себе учеников, — нам пора. Все идем к автобусу!

Никита был в шоке. Выходить на работу он теперь боялся еще сильнее, чем прежде. Однако ничего не происходило на следующих двух сменах. Судная ночь случилась через две недели после страшных событий.

Он вышел на смену и отправился на свой стандартный вечерний обход территории. В сумерках он разглядел у одной из могил неизвестного. Это был очень редкий случай, когда после заката кто-то оставался на кладбище. Недавно был церковный праздник, поэтому иногда люди все же приходили, но этот раз был намного более пугающим:

— Что вы здесь делаете?! — Никита посветил на человека фонариком, — кладбище закрывается, вам нужно покинуть территорию.

— Я ждала тебя, — отозвалась старушка в свете фонаря, она была одета в грязные лохмотья и походила на сумасшедшую, ее старческий хриплый голос звучал угрожающе, — тебе нужно уйти!

— О чем вы говорите? Пожалуйста, покиньте территорию кладбища.

— Я уйду. И ты...пойдем со мной. Знаю, что ты не послушаешь, но я видела их. Я живу в домике рядом с озером. И там...часто они ходят. Неподалеку. В местных лесах. Я видела их. Живых мертвецов! — Прошептала она, раскрывая до предела веки.

— О, это отличная новость, но территорию вы все же должны покинуть, иначе мне придется позвонить в определенную службу. Вы нарушаете закон.

— Парень, да ты совсем меня не слышишь! Они скоро будут здесь! И я бежала от них по этому пути, чтобы уйти дальше. Пойдем со мной. Они услышали зов луны. И скоро будут здесь.

Она протянула к нему свою грязную ладонь, обмотанную бинтами, но он покачал головой и указал ей на выход.

— Приятных страданий тебе, мальчик, — фыркнула старушка, прежде чем раствориться в вечерней мгле.

— Спасибо большое, вам того же, наверное?

Усмехнувшись, парень продолжил обход. Это случилось примерно через полчаса после ухода старушки. Никита проходил мимо могилы Юли. Что-то было не так. Он подошел ближе. В блеклом свете фонаря он увидел комья земли, лежавшие на траве. Могила девочки была не тронута. Одинокий деревянный крест все так же стоял на своем месте, а на нем все так же висела ее фотография. На ней ей 9 лет. И она улыбается, смотря в объектив. Никита с ужасом осмотрел место захоронения, на котором обнаружил странный и только что выкопанный туннель у могилы девочки, который должен вести прямо к гробу, а рядом на траве были следы. Никита побежал к домику, пока его с ног до головы окутывал туман. Дрожащими руками парень набрал номер своего коллеги:

— Дядя Андрей! Приезжайте! Немедленно приезжайте! Здесь какие-то вандалы поработали. Дело очень мутное. Нужно ваше присутствие. И полиции! Срочно!

— Так, так, Никита, спокойно. Вдохни. Выдохни. Они там? Эти вандалы?

— Возможно, возможно здесь.

— Ты их видел? Что они сделали?

— Нет, я их не видел, но их работа свежая. Очень свежая. Они, по-моему, тело выкопали недавно умершей девочки.

— Ты их не видел? Тогда подождем до утра. И утром я приду. Все осмотрю. И сообщу, куда надо.

— Что?! — Крикнул Никита в трубку, — может они еще здесь? Это опасная ситуация. Дядя Андрей! Пожалуйста, приезжайте! Или пришлите кого-нибудь! Или я уйду! Я уйду!

— Ладно, ладно, спокойно, — голос Дяди Андрея звучал твердо и громко, — расслабься и это. Без паники. Заходишь в домик. Запираешься на ключ. Берешь травмат. Он там для таких случаев и лежит! Снимаешь с предохранителя. И ждешь меня. Я сейчас встану с кровати, разлеплю нахер свои веки и примчусь к тебе, но дорога у меня займет полчаса, как минимум.

— Я даже не знаю, как им пользоваться! Да я его в руках ни разу не держал!

— За тобой кто-то следит? Ты хоть тень какую-то видел?

— Нет, нет!

— Тогда в чем паника? Вандализм случается. Тебе сейчас никто и ничего не угрожает.

Запрись в домике и жди меня.

Дядя Андрей бросил трубку. Никита мысленно послал его куда подальше. Юноша включил на телефоне фонарик. Кто-то стоял у ворот. Он подошел чуть ближе и увидел силуэт. Затем силуэт быстро растворился. И раздалось пение. У могилы проклятой дочери. В этот момент луна на несколько секунд вышла из-за облаков и осветила кладбище своим сиянием, а затем мгла вернулась назад. И все снова было погружено в беспросветную тьму. Никита резко развернулся — кто-то ходил вокруг него. И прятался за могилами. Он отчетливо слышал шаги по сухой траве. Дыхание парня было сбивчивым, из приоткрытого рта клубами пара выходил теплый воздух. Он быстрым шагом пошел к домику, но путь ему преградил человек. Девочка.

Он не верил своим глазам — это была она. Дрожащей рукой он направил на нее свет своего фонарика. И картина получилась еще более зловещей: это была мертвая девочка, которую похоронили две недели назад, ее светлые волосы были скомканы, а любимое черное платье, в котором она была погребена, было смято и испачкано мокрой землей. Несмотря на то, что она две недели пролежала в земле, ее лицо было прекрасно, как прежде, хоть уже и было несколько другой окраски. Тон кожи Юли стал мертвенно-бледным, почти голубым, щеки потеряли свой объем, делая ее лицо болезненно худым. Сухие синие губы были изогнуты в жутком подобии улыбки. Она стояла неподвижно, а после сделала несколько шагов к Никите. Он сначала не понял, что происходит, полностью шокированный и словно приросший к земле, а после повернулся и стал бежать к выходу, в то же время рыская по карманам в поисках ключей. Когда он схватился стальной хваткой за решетчатые ворота, почувствовал чьи-то зубы на своей шее и хватку тонких ручек. И тогда по всей округе был слышен его истошный крик. Он слышал, как она чавкает его же плотью. И пытался спихнуть ее с себя, но она была, к его огромному удивлению, раз в десять сильнее.

В ту ночь Никиту Шолохова постигла ужасная участь. Его найдут мертвым в 00:50 по полуночи с разорванной шеей. Дядя Андрей обнаружит его лежащим у ворот и покачает головой, закрывая веки своему сотруднику, а после похоронит в закрытом гробу через два дня.

Маленький городок был в шоке от нескольких трагедий, случившихся в тот месяц. Все эти смерти списали на диких животных. Их нападения тоже случались в той местности. И все же в смерти Никиты было больше мистики для общественности — он умер, работая в ночную смену на кладбище, а его могила, как и могила маленькой Юли, будет так же раскопана через две недели, а его труп так и не будет найден. Об этом будут говорить. Писать в газетах. И все же быстро забудут, как страшный сон. Так же, как все забыли о прерванной жизни маленькой девочки. Их истории останутся лишь байками, превратившись в городские легенды.

10 лет спустя

Северный район Обвинска

На дворе был февраль. Стояли небывалые зимние морозы. Прохожие были одеты, как на северном полюсе. У неприметного жилого дома остановился черный автомобиль. Из него вышел молодой человек, одетый в дубленку. Он зашел в подъезд и постучался в первую квартиру слева, сдувая со своего плеча таявшие снежинки. Его встретила пожилая женщина

в длинном фиолетовом платье, увешанном амулетами и звенящими монетами. На ее смуглой коже были вытатуированы древние символы и знаки.

— Меня зовут Кармелита, присаживайся, дорогой, — протянула она приятным бархатным голосом.

— Очень приятно, — сухо отозвался юноша, присаживаясь на стул напротив нее.

Он взглянул на нее снова. Кармелита сидела за столом в окружении свеч, миллионов амулетов и ожерелий, сверкающих камней, раскладывая карты. У нее были темные, как смоль, волосы и крючковатый нос. Она напоминала собой внешне цыганскую бабу-ягу, не являясь при этом ни тем, ни другим. Женщина была целительницей и медиумом, известным в определенных кругах. Ее внешность — результат смешения нескольких кавказских национальностей в ее роду. Попасть на прием к Кармелите — это успех. Она принимает далеко не всех. И берет за свои сеансы очень дорого.

— Я вижу, что ты пришел не просто так.

— Неужели? — Язвительно спросил ее гость.

— По вопросам любви!

— О, ну, немного не так.

— Как же? Я вижу ее. Твою возлюбленную. У нее светлые-светлые волосы. Голубые глаза, как два хрустальных камня. И звонкий-звонкий смех. Чувствую. Любит она тебя.

— К сожалению.

— Что значит, к сожалению? Как твое имя? Я совсем забыла спросить.

— Меня зовут Никита Шолохов. И...давайте ближе к делу. Мне 26 лет. 10 лет назад со мной произошел странный случай: я испытал нечто вроде временной смерти, что-то вроде небольшой инфекции, которой меня заразила моя подруга, она меня...укусила. Может, вы знаете, как...можно это исцелить?

— Что это за инфекция?

— Я не знаю, как это точно называется, но побочных эффектов много. Кожные покровы, например, становятся супер бледными. И еще есть часто хочется. Пить. Кровь там, например...и все такое.

— Вы говорите о вампиризме, я правильно вас понимаю?

— Нет! Нет! Это нечто другое, гораздо хуже. Подождите! А вы закрыли дверь?

— Как тут много всего! — Позади него раздался нежный детский голос, — как много всяких штучек!

В комнату вошла Юля. Все с теми же светлыми кудряшками, спадающими на плечи. В черном платье. И с маленькой кожаной сумочкой. Ее руки тянулись ко всем фигуркам на полках, особо понравившиеся она складывала в свою сумочку.

— Эй, вы что делаете? — Кармелиту такая ситуация явно не устраивала, она была раздражена, — положите на место!

— Юля, пожалуйста, сложи все обратно, я уже сто раз говорил, что чужие вещи брать нельзя, — Никита схватил ее за руку.

— Да ладно тебе, просто убьем эту старую каргу и все, если ей что-то будет не нравиться.

— Ты опять за свое? — Шикнул юноша, — я тебе говорил сто раз, что убивать и воровать — это плохо.

Никита не выдержал. И достал пистолет. Он направил ее своей спутнице прямо в грудь. Раздался выстрел. Девочка упала навзничь. После она пошевелила пальцами, отряхнулась и

встала, как будто полминуты назад стреляли совершенно не в нее.

— Это было новое платье! Никита! — Она ударила его кулачком в плечо, обиженно надувая губы.

— Видите? — Никита указал на рваную рану девочки, — эта мерзавка бессмертна. Как и я. Это еще один побочный эффект инфекции.

— И...что же в нем плохого?

— Это проклятье! Настоящее проклятье, что было послано мне! Все было бы гораздо проще, но эта маленькая дрянь меня везде преследует. И она неубиваема! Ничего не помогает! Никакие там серебряные пули или...осиновый кол. Вся эта чушь не работает!

— А огонь или динамит?

— Нет, это уж слишком жестоко.

— И что вы от меня хотите?

— Снимите это проклятье. Излечите нас. Хоть как-нибудь помогите. Она вечно за мной плетется. Я никак не могу от нее избавиться. Вдруг я вечно обречен быть рядом...с ней.

— Ты так достал со своим этим нытьем, Никита, так мы грохнем ее или как? — Девочка подошла ближе к Кармелите, доставая из сумочки маленький розовый ножик, — я пить хочу!

— Нет, обед потом! — Никита схватил Юлю за руку и отдернул ее, отпихивая подальше от женщины, — вы же поможете нам? Пожалуйста, я уже не знаю, что с этим всем делать, — попросил он жалобным голосом.

Нет, — Кармелита покачала головой и томным голосом произнесла, — ваше проклятье я снять не в силах. Это слишком...тяжелый случай. Я даже не знаю, что это такое. И кстати... отдай все мои вещи назад, девочка, те, что ты в сумку положила! Я попрошу вас удалиться из моей квартиры!

Она выставила их обоих на улицу. Морозный день стал еще холоднее, чем прежде. Никита что-то буркнул себе под нос и мысленно послал эту старую гадалку на все четыре стороны. Под ногами скрипел снег, на его темные волосы падали градом хрустальные снежинки. Ему не было холодно. Он вообще мало что уже чувствовал — ведь он был не очень-то жив, но в то же время и не мертв. И в этом промозгом бесконечном холоде он почувствовал пару ладошек, схвативших его руку. Их температура была не намного выше его собственных.

— Вот старая карга, да? — Девочка подняла голову вверх, хлопая ресницами, — скажи! Старая и ворчливая! Она нам не нужна! Мы и так справимся со всеми сами, да?

— Она могла нам помочь...хотя бы попытаться.

— Нет! Нам она не нужна! Не расстраивайся! Ведь так мы будем навсегда вместе. Ты и я.

Девочка обвилась вокруг него и повисла, как обезьянка, сомкнув руки. Она плотно прижалась к нему, закрыв глаза. На улице в это время было тихо. Снег продолжал идти, а небо становилось все темнее. Город вокруг двух обнимающихся людей засыпал, погружаясь в холодную вечернюю мглу.

Тайна мертвого озера

Порой жадность доводит людей до печального исхода их жизни. Скупость, алчность — это качества, которые олицетворяют плохие человеческие начала. Однако героя этой легенды погубили далеко не они.

Его звали Матвеем Елисеевым. Ему было всего 19 лет. Студент филологического

университета. Пышущий юностью и счастьем. Он занимался журналистикой и изучал зарубежную литературу. Его интересовали произведения Шекспира и классическая музыка. Матвей был хорошим человеком. В нем был только один недостаток — предвзятость. Он не умел различать добро и зло. В нем не было душевности и глубины. Он осуждал всех, кто не был согласен с его мнением. И всех людей классифицировал по определенным признакам — так его приучили с детства в аристократической и зажиточной семье. Уже несколько поколений его предков практиковались в управлении другими. И никогда не трудились самостоятельно. Та же судьба ждала и нашего героя. Ему она не нравилась, но отказываться от огромного наследства парень не спешил. К своим 19 годам он вкусил все радости жизни. И она ему наскучила. Все вокруг стало казаться ему серым и пресным. Тогда он нашел свое удовлетворение только в одном — в адреналине. Экстремальные виды спорта, походы в горы, любой риск, граничащий с летальным исходом — вот что делало его по-настоящему счастливым. Адреналиновый кайф быстро овладевал им и доводил до экстаза.

В тот роковой день он был не один. Его сопровождал университетский товарищ — Антон Зайцев. Они учились в одной группе, у них были схожие интересы, но, как выяснилось позже, Антон не сразу согласился на авантюру Матвея, которая казалась ему уж слишком опасной. Юноша предложил следующее: они вместе должны были отправиться в пещеру Обвинского района и совершить поход в дальний грот к озеру, которое в народе зовется «Мертвое» за полное отсутствие в нем любых водных обитателей. Подземный водоем пользовался дурной славой — в разные годы в нем находили утопленников, да и в самой пещере часто случались каменные обвалы, из-за чего экспедиции зачастую просто застревали в ней. Антон отправил несколько сообщений своему другу в социальной сети о том, что идея Матвея глупая, и она ему совсем не нравится, но по непонятным причинам он все же отправился с ним в этот грот в тот день.

Согласно легенде, они пришли туда поздно вечером, чтобы испытать как можно больше острых ощущений. Сгущались сумерки. Двое друзей зашли в пещеру. Ее именуют «Шепкинским перевалом» — в давние времена один из путешественников прятался от набегов вражеских племен в этих местах. Говорят, что его призрак все еще бродит по подземелью и набрасывается на путников, ошибочно принимая их за своих врагов, преследовавших его при жизни. Однако эта легенда никогда не имела фактов и подтверждений. Антона Зайцева и Матвея Елисеева заинтересовала другая теория, которая и приводила экспедиции в эти места — легенда о золотом кладе, оставленном путешественником Шепкиным. Согласно ей, все собранные в путешествиях артефакты Шепкин спрятал именно в пещере в дальнем гроте. Один из золотоискателей когда-то нашел в этом гроте завалившийся в камнях мешок со старинными монетами. Эта легенда была самой правдоподобной, но проверить ее на подлинность мало кто решался — несмотря на малую глубину озера, в нем каждый год находили утопленных людей, которые оказывались там по непонятным причинам. Сама идея такой опасности будоражила Матвея, который ни в какие «сказки» не верил.

Они тщательно готовились к своей вылазке: были собраны дорожные рюкзаки со всем необходимым, где была еда, припасы, палатки, спальные мешки и медикаменты. Все самое необходимое. И даже больше. Их приключение было неудачным. Когда они подошли к дальнему гроту, их застал каменный обвал. Они вдруг услышали, как несколько камней скатываются вниз. Студенты запаниковали и попытались найти выход, но их попытки были безуспешными. После чего огромный камень обрушился прямо на Антона. Он придавил

нижнюю половину его тела. Зрелище было жутким. Матвей хотел отправиться на поиски помощи, но проход полностью завалило каменными валунами. Тогда он стал кричать. В надежде, что кто-то его услышит. Он знал, что это не спасет их, но его услышали. Из тени. Словно из ниоткуда. Появилась девушка в длинном холщовом пончо, покрывавшем все ее тело. И здесь начинается самое интересное.

Она была похожа на ангела, спустившегося с небес: у нее были длинные кудрявые волосы медного цвета, ярко-голубые глаза, пухлые приоткрытые губы и взгляд, полный наивности. Однако она не сказала ни слова, увидев юношей. Матвей попытался с ней заговорить:

— Как тебя зовут? — Растерянно спросил он, но она ничего не ответила, лишь продолжила смотреть на него, — ты... не хочешь говорить с нами? Ты здесь одна?

Девушка покачала головой и странно улыбнулась, обнажая ряд белоснежных зубов.

— А с кем? Почему ты в такой одежде? Ты не будешь с нами разговаривать? Моему другу нужна помощь! Нам нужно выбираться отсюда!

Все вопросы Елисеева тогда остались без ответа. Загадочная девушка подошла к Антону и осмотрела его ранения. Она посмотрела ему в глаза и покачала головой. Антон уже смутно понимал, что происходит и не мог сфокусировать на ней свой взгляд. Он потерял уже слишком много крови, а в его рану попала инфекция. Девушка обернулась и сделала странный жест: сначала указала на Антона, а потом на свое горло и как будто резко перерезала его пальцем в воздухе.

— Ты что... его убить предлагаешь? Чтоб не мучился?! — Закричал Матвей неистовым голосом, но девушка покачала головой, смеясь, — ты из этих? Сектантов? В одежде такой поэтому ходишь? Ты тут живешь? В пещере? — На этот вопрос девушка ответила несколькими быстрыми кивками головы, — так помоги мне найти выход! Ты знаешь, как выйти отсюда?

Она вновь утвердительно кивнула и махнула рукой, как бы зовя его за собой. Девушка очень проворно взобралась вверх по камням и проползла по узкому проходу. Матвей последовал за ней. У него это получалось в два раза хуже. Они проползли по узкому каменному туннелю в дальний грот. Вдалеке была видна сверкающая лазурная гладь. Матвей осветил фонариком вверх — здесь тоже были слышны звуки падающих камней. Девушка несколько раз постучала ладонью по его плечу и энергичнее замахала рукой. Матвей следовал за ней к озеру и случайно наступил на край ее длинного холщового халата, который по ужасному стечению обстоятельств в тот момент спал. Он увидел ее обнаженное тело. И кричал от ужаса: она была не похожа на обычную девушку, вместо двух конечностей у нее их было восемь, это были длинные отростки с ладонями на концах. Девушка-мутант растерянно прикрыла свое обнаженное тело и поспешила прикрыться, а напуганный Матвей уже бежал от нее из грота по одному из проходов, где все еще продолжался каменный обвал. Сходы каменных пород были нередки в этой пещере.

Всю эту историю с трудом рассказал врачам Антон. Семьи двух студентов обнаружили их пропажу еще ранним утром и направили спасательные и поисковые службы в пещеру. Зайцеву была вовремя оказана медицинская помощь, но он скончался от быстро распространившейся по телу инфекции. Матвея нашли в одном из проходов рядом с дальним гротом. Он лежал под несколькими грудями камней с множественными переломами, травмами, которые были не совместимы с жизнью. Парень скончался еще до прихода спасателей. После этого в местном университете города Тихий был объявлен траур. И никто

бы не поверил и не говорил об истории, которую рассказал перед смертью Антон. Юноша утверждал, что девушка и правда существовала. Она осматривала его раны. Она смотрела на него. И потом, когда она взбиралась по каменным сводам, он увидел, как из под ее холщовой накидки высовываются несколько конечностей вместо двух. Он рассказал врачам, что она карабкалась вверх, как паук. Сказав это, он начал бредить и скончался через несколько часов после своего спасения. Весь его рассказ можно было бы считать бредом, рассказанным человеком, мучающимся от предсмертной агонии, но была одна деталь, которая добавляла ему правдоподобности — губы Матвея Елисеева. Судмедэксперты обнаружили на губах умершего капли слюны другого человека и несколько длинных медных волосков на его одежде. Тогда к легенде добавилась еще одна деталь — говорят, что перед смертью девушка поцеловала его и после покинула умирающего парня.

Какой бы ни была мистической эта городская легенда, но история была связана с реально существующим человеком. Она и правда существовала. В реальности у нее даже не было имени. Ее родила бездомная женщина, нашедшая свой приют в окрестностях Залесного, где до сих пор бушует радиация. Девочка родилась с несколькими лишними конечностями и с деформированным речевым аппаратом. Родная мать бросила ее, как только увидела, как выглядит ее новорожденный ребенок. Ее нашла Мисселина — вечная обитательница подземелья Залесного, чье тело по странным стечениям обстоятельств не затрагивает радиация. Женщина вырастила ее в одном из заброшенных цехов. Девочка росла умной и послушной. Она любила читать. Много рисовала. И любила гулять по заброшенным заводским цехам. Мисселина дала ей необычное имя — Джелвира. Девочке оно очень понравилось. До определенного возраста маленькая Джелвира считала себя обычным ребенком, у которого просто больше конечностей, чем у других, но даже заключенные и обреченные на вечные страдания души Залесного с отвращением смотрели на нее. Тогда Мисселина сшила для нее ее первую холщовую накидку, скрывающую все ее конечности. Когда девочка стояла на двух из множества своих конечностей, то в этой накидке она вполне могла походит на обычного человека.

Джелвира была добрым, но одиноким созданием — она стыдилась себя и пряталась в цехах, пещерах, иногда выбираясь по ночам в леса и поля, где гуляла под луной. Наслаждаясь ее сиянием, она забывала о том, кто она есть на самом деле, но с наступлением дня все возвращалось на свои места.

Девушка была интеллектуально одаренной. Она могла читать на латыни. Умела лечить различные заболевания. Вправляла переломы, ушибы, зашивала раны. Поэтому, когда она осмотрела лежащего под камнями Антона Зайцева и обнаружила, что его рана в грязи, показала жестами Матвею, что его друг вряд ли выживет. Джелвира знала, что инфицирование ран часто ведет к летальным исходам — библиотека Залесного была большой. И девушка обладала обширными познаниями во всех областях. Ей хотелось помочь Матвею. Она пыталась как можно скорее вывести его из грота, когда каменный обвал продолжился, но тот испугался ее, хотя она не желала ему зла и не пыталась причинить никакого вреда. Ей было жаль его. Она пробралась сквозь камни к его мертвому телу и поцеловала на прощание в холодные губы. Джелвира ужаснулась своему поступку — с моральной точки зрения она стала таким же монстром, каким и была в реальной жизни. Это спонтанное действие она будет пытаться забыть еще много ночей подряд, вспоминая двух погибших друзей с тоской и скорбью, которые будут отзываться тихой болью в ее одиноком сердце.

Дело № 78. Закулисье.

Их было несколько. Несколько детей, бесследно исчезнувших на территории детского лагеря, расположенного в отдаленном лесном районе Обвинского края. Он назывался «Солнышко». Его основали в 1980 году. С тех пор там пропало около 11 детей за 10 лет. Всем им было от 7 до 18 лет. Каждый из них пропал в вечернее время. И никто так и не был найден. Никаких улик, никаких указаний, никаких предположений об их местонахождении. Их дела так и не были раскрыты, а сам лагерь был закрыт. Однако в 2018 году недалеко от него построили новые современные корпуса, а название сменили на другое — «Город детства». Алиса знала об этих страшных историях, но мама сказала, что путевку обратно уже не вернуть. И деньги за нее тоже. Поэтому в начале июля ее розовый чемоданчик был битком упакован вещами и сложен в машину.

Дорога заняла час. После за окном показался цветной фасад первого корпуса и высокий радужный забор. Мама чмокнула девочку в щеку и передала ее вещи вожатой. Ею оказалась невысокая рыжая девушка. Она представилась Алисе. Ее звали Люба. Она вызывала у девочки лишь отвращение. И та лишь кивнула ей головой. Люба проводила ее до комнаты в пятом корпусе, расположенном у самого забора. В комнате стояло несколько кроватей. На некоторых из них уже сидели девочки. Их было пять.

— Меня зовут Саша, — громко представилась красноволосая девочка, которую поселили с ней в одной комнате, — мне 12.

— Очень приятно, — ответила Алиса в не очень дружелюбном тоне, пожимая ей руку.

В целом лагерь ей понравился: кормили вкусно, не заставляли учить уроки и убираться, только заправлять постель, а по пятницам подавали замечательные десерты. Был один минус — там было ужасно скучно. Алиса часами прогуливалась по тропинкам и площадкам. Ее не интересовали все эти кружки и занятия. Они были занудными и приторными. В один из таких скучных и пресных дней она и встретила его.

На дворе стояло жаркое июльское лето. Над головой девочки шелестела листвой яблоня. Ее отряд играл в «Веселые старты». Алиса отказалась от участия, сославшись на сильную головную боль, а сама сбежала из корпуса с книжкой о фантастических существах и нашла укромное убежище под деревом. Она сидела с закрытыми глазами, слушая шелест листвы и далекие детские голоса. Она нахмурилась — было что-то странное в этом звуке. Один из них был совсем близко.

— Привет, как тебя зовут? — это был голос мальчика.

— Что ты здесь делаешь?

Алиса испугалась от его внезапного появления. Он стоял совсем рядом, но их разделял радужный забор. Русский мальчик примерно ее возраста смотрел на нее с легкой улыбкой. Она смотрела на него и не могла понять, где же она могла встречать его раньше и вдруг поняла — это был принц из ее детской сказки. Из той старой книжки. Он словно сошел с иллюстрированной обложки того издания: те же кудрявые светлые волосы, не доходящие до плеч, те же веснушки, тот же разрез глаз, та же легкая улыбка и даже та же одежда. Он улыбался и сказал:

— Я проходил мимо. И захотел спросить, что ты читаешь

— Меня зовут Алиса...я читаю истории от Мишель Роберто. Про фантастических существ.

— Какая замечательная книга. Меня кстати зовут Альберт.

С тех пор они виделись так несколько раз. Алисе нравилось с ним разговаривать. Она

ждала обеда лишь только для того, чтобы после него отправиться на свою ежедневную встречу с маленьким принцем. Альберт был крайне милым мальчиком, дружелюбным и добрым, но все же было в нем нечто странное... Он всегда был в одной и той же одежде, с одной и той же прической и мало говорил о самом себе. Их встречи у забора продолжались полторы недели, а после он сообщил ей, что нуждается в ее помощи. Он попросил ее выйти после ужина за забор. И она согласилась. Не сразу. Алису смутила эта мысль, но мальчик успокоил ее, сказав:

— Не волнуйся, мы встретимся у забора. Точно у входа. Там рядом будка охранника. Камеры. И все будет в порядке.

— Хорошо, я выйду на пять минут, — согласилась она.

Наступил вечер. И по земле поползли тени. Девочка спряталась за угол, ожидая, когда вожатые пройдут мимо и проползла под воротами. Прохладный ночной воздух подул ей в лицо, развевая ее длинные каштановые волосы. За забором никого не было. Она простояла так еще пять минут, прежде чем заметила вдалеке силуэт своего нового друга. Он махал ей рукой, как бы подзывая подойти ближе. Альберт выглядел как всегда. Рядом с ним никого не было. Он стоял один. В желтом свете фонаря. Алиса хотела было покачать головой и уйти в корпус, но потом подумала, что все же стоит подойти к нему и быстро поговорить. Она подошла чуть ближе. Альберт молчал. Из его красных глаз текли жгучие слезы, стекавшие по его прекрасным алым щекам.

— Что произошло? — Взволнованно спросила Алиса, — почему ты плачешь?

— Помнишь, я рассказывал тебе о своем друге? Моей маленькой канарейке?

— Да, помню, — кивнула девочка.

— Она умерла. Я нашел ее такой. Сегодня утром. Она просто лежала в своей клетке на дне и не двигалась. Я так и не понял, почему она умерла.

— О, Альберт, вероятно, она была уже очень-очень взрослая...И умерла от старости.

Альберт достал из внутреннего кармана своего бархатного жилета маленькую желтую птичку, больше похожую на птенчика. Он держал ее дрожащими руками и продолжал плакать.

— Нам надо ее похоронить, Альберт.

— Я сам. Спасибо, что пришла. Было здорово увидеть тебя вот так, без этого дурацкого радужного забора.

— Нет, Альберт, я хочу тебе помочь.

— Хорошо, давай выроем ямку. Вот здесь!

— Ты действительно хочешь похоронить ее вот так, здесь? У дороги? Это плохо. Очень плохо. Любимых питомцев хоронят на специальных кладбищах, либо в тихих местах. Зайдем немного в лес и похороним ее там.

— Нет, это опасно. Ты должна вернуться в свой корпус.

— Ничего страшного не произойдет, — девочка покачала головой, включая фонарик на телефоне, — к тому же ты живешь неподалеку, значит, знаешь местность? И мы не потеряемся.

— Мы не потеряемся, но это плохая идея. Возвращайся.

— Пошли, трусишка.

— Алиса, постой. Там темно и страшно.

Алиса не послушала его. Она прошла дальше. Мимо стволов высоких деревьев. Она выкопала маленькую ямку для могилы канарейки Альберта и внезапно услышала чьи-то

тяжелые шаги неподалеку, со стороны лагеря.

— Ты тоже слышишь это? Очень странные звуки. Пойдем со мной, пойдем в корпус, Альберт, быстро закопаем ее и пойдем! — Шептала девочка на одном дыхании, ежась от холода.

— Нет! Он уже здесь! Бежим! Я не думал, что он меня и здесь найдет!

Альберт выкрикнул все эти слова и кинулся бежать в чащу леса. В сторону от асфальтовой дороги. Алиса не успела понять, что произошло. Она в ступоре глядела на что-то, глядевшее в ответ на нее на расстоянии нескольких десятков метров. Это был не человек. Точно не человек. Это было огромное существо темной окраски с красными зрачками, больше похожими на два ярких огненных фонаря. Алиса внезапно отошла от своего ступора и кинулась вслед за мальчиком. Она едва поспевала и почти врезалась несколько раз в деревья. Внезапно лес кончился. Мальчик вбежал темное здание за ржавыми воротами. Девочка забежала за ним следом и захлопнула за ними дверь, прижимаясь к ней спиной.

В этом сыром и затхлом помещении все стены были похожи друг на друга, а на полу был выстлан грязный линолеум. Ее нового друга нигде не было. Она ходила по пустым комнатам одна. Над головой мерзко мигали желтые лампы, потрескивая от напряжения. Ей было страшно. Ее никто не преследовал. За ней никто не бежал. Никто не пугал ее. Однако внутри ее груди отчаянно билось сердце, готовое разорваться от испуга. Она кричала. Она звала его на помощь. И совершенно заблудилась в черед абсолютно одинаковых комнат. В попытках найти путь обратно она забыла даже о непонятном существе, от которого они сбежали. Девочка подпрыгнула от резкого звука, завернув за угол.

— Здравствуйте! Помогите мне! — Вырвалось у нее изо рта, как только она увидела женщину, стоявшую к ней спиной, — здравствуйте?

Темный силуэт медленно повернулся. Это была женщина в черном с яркой кровавой улыбкой, полностью обнажающей ее острые зубы. Ее глаза были полностью белыми, а губы вырезанными. Она сделала шаг в сторону Алисы, которая уже шла назад, а после сделала попытку сбежать, но оказалась схвачена неизвестным. Он закрыл ей уши и глаза мохнатой рукой и шепнул прямо на ухо:

— Молчи. Она не видит тебя. Только слышит.

Когда Алиса открыла глаза, она увидела перед собой девочку в синем сарафане и в огромной пушистой маске розового кролика.

— Это маскарад? Какой-то квест? — Поинтересовалась она, указав на маску.

— Нет, — кролик покачал головой и моргнул самыми настоящими глазами, — это мое лицо.

— Что все это значит? Я сплю?

— Моя милая, — ласково обратился к ней кролик, — ты совсем недавно сюда попала?

— Я только что сюда прибежала с другом. Я его ищу. Его зовут Альберт. У него светлые волосы, он одет в бежевый брючный костюм.

— Я знаю твоего друга. Он тут давно.

— Тут? Так он тут живет?!

— Мы все здесь живем. Это закулисье. Параллельная реальность, если можно так выразиться. Однако она совсем не находится ни в какой параллели, знаешь ли... Тут все перевернуто вверх дном. Тут все перепутано. И смешано. И не понять, где вход отсюда, а где выход. Тот мальчик...о котором ты говоришь...его зовут совсем не Альберт. Его зовут Роберт. Звали когда-то. Он попал сюда много лет назад. Очень давно. В этом мире есть

много этажей. Что-то вроде уровней в компьютерной игре, чтобы ты лучше понимала, о чем я говорю. И он так и остался на этом, который соединен с одной единственной дорогой и тем лесом, но при выходе на ту местность, из которой вы прибежали, тебя всегда будет преследовать обитающая в том лесу сущность. Когда это был человек, но закулисье меняет всех. Роберту здесь больше повезло, но от длительного нахождения здесь он совсем потерял рассудок...и память. Я встретила его, когда он только пришел сюда. Когда-то вход в этот уровень можно было найти в одном из корпусов детского лагеря, в котором Роберт отдыхал тем летом. Так он сюда и попал. Он сказал, что хочет вернуться домой, чтобы сняться в каком-то фильме. Он вроде был актером, а еще его однажды напечатали на обложке детской книжки.

— Да, я видела эту обложку, я читала ее в детстве.

— Так это он привел тебя сюда?

— Мы встретились на улице. И потом за нами стало гнаться то существо.

— Все понятно... — Девочка-кролик приобняла ее за плечи, — у меня для тебя плохие новости. Из закулисья очень мало выходов. И твой друг тебе в этом никак не поможет. Он сумасшедший. И ты тоже, вероятно, сойдешь с ума.

— И стану похожей на тебя? У тебя всегда была такая голова?

— Все отчасти теряют рассудок, когда попадают сюда. Я сохранила свой, но вот с памятью у меня появились проблемы. Так трудно что-то вспомнить временами... И свое лицо я уже не помню. Я не помню, как меня звали раньше, но можешь звать меня Мейбл.

— Хорошо, Мейбл, а меня зовут Алиса, — она пожала кролику мохнатую руку, — и сколько же здесь уровней? И что это была за женщина?

— Уровней? Их тысячи. Сотни тысяч. Ты можешь бродить здесь вечность, если, конечно, не наткнешься на местных существ. Они могут убить или покалечить тебя. Некоторые из них — обитатели закулисья, некоторые — пришли извне, как обычные люди, с которыми здесь случились...плохие вещи.

— Но ведь Роберт нашел путь в реальный мир. Может... и я найду?

— Это лишь исключение из правил. Однако, если ты хочешь попытать свою удачу, можешь воспользоваться стационарным телефоном, который расположен на 2 уровне. Ты можешь позвонить по нему человеку, который остался в реальном мире. И сообщить, как ты пришла сюда. Каким путем. В каком месте ты нашла вход. Ты должна будешь попросить этого человека прийти ко входу в это здание и позвать тебя. Тогда на том уровне, на который ты попала, ты сможешь услышать его голос. И найти выход.

— Это правда работает?

— Если связь будет хорошая, то да. Если выживешь, пока будешь до него идти, то да. И если найдешь пару монет, чтобы оплатить звонок.

— И где же мне их найти?

— Их можно взять в кассе детского центра на том же уровне. Проход на второй уровень расположен в одной из этих комнат справа. Тебе нужно торопиться, пока уровень снова не поменялся — расположение вещей здесь непостоянно.

— Пойдем со мной, — предложила Алиса, схватившись за розовую ладошку, — мы вместе отсюда выберемся! И ты наконец вспомнишь, как тебя зовут! И станешь снова собой!

— Это бесполезно.

— Почему?!

— Потому что я не помню никаких номеров своих знакомых и друзей. И даже место,

откуда попала сюда. Эти воспоминания стерлись, словно каракули ластиком из помятой тетрадки.

— Нет, все будет хорошо! Нас найдут вместе!

— Нет, ты сможешь уйти, а я останусь здесь. Это мой дом. У меня здесь есть друзья. Я привыкла...к этому миру. И больше не хочу возвращаться в реальность, где все мои друзья выросли, все вокруг стало совсем другим...я не смогу там жить. Мой дом здесь.

— Как знаешь, — с ужасающим трепетом прошептала Алиса, слушая ее грустную речь.

— Зачем же ты вообще пошла за нашим Робертом? Он дурной. Он уже совсем не осознает, что происходит. Только рассказывает всем подряд небылицы и играет в прятки.

— Он сказал, что ему нужна помощь. И я вышла из корпуса, чтобы поговорить с ним.

— Очень зря, Алиса.

— Я хотела помочь своему новому другу!

— Тебе нужно бежать. Поторопись. Второй уровень через пять комнат отсюда. И запомни — ни в коем случае не смотри на глаза. Не спрашивай, почему. Ты сама все поймешь. Если они увязались за тобой — просто беги.

— Спасибо тебе.

Алиса пробежала несколько комнат и нашла странный потайной ход, ведущий наверх. Она вскарабкалась по неустойчивой деревянной лестнице на верхний этаж и обнаружила себя полностью окруженной мухоморами. Они были искусственными. Все на втором этаже было искусственным. Девочка побежала вперед. Длинный коридор не кончался. Она упала. В яму с надувными шариками. Она сразу поняла — это был тот детский центр, о котором говорила Мейбл. Алиса, к своему собственному удивлению быстро нашла кассу и взяла оттуда несколько монет.

— Зачем тебе они? — Спросил неизвестный голос, доносящийся свыше.

— Мне...надо...

Девочка подняла голову. И не успела договорить предложение. Она застыла на месте, смотря на огромных белых птиц. Они были похожи на громадных жаворонков, но это были не совсем обычные птицы: вместо двух белых крыльев у них их было несколько с каждой стороны, а на месте туловища был один огромный глаз с пушистыми ресницами. Алиса вспомнила — на них нельзя смотреть, но было уже поздно. Они стали лететь к ней с огромной скоростью. Девочка оборонялась, как могла. Их крылья больно ударяли ее затылок и плечи. На местах их ударов оставались ссадины. Алиса кричала на них, но они продолжали нападать на нее и ударять своими сильными крыльями. Она побежала в детский центр, прячась в длинной разноцветной трубе. К счастью, птицы почему-то отстали. И не полетели за ней.

Алиса бродила по детскому центру в одиночестве. Это место казалось ей знакомым, но что-то в нем было угрожающее. В этой пустоте и полутьме. Она с интересом оглядывала детские аттракционы, игрушечных лошадок, маленькие детские стульчики, разбросанные везде игрушки и пластиковые горки. Она точно была здесь. Все это место — копия детского центра, в который ее водили в детстве. И как оно здесь оказалось?

Девочка продолжила свой путь по этажу и увидела вдалеке телефон. Это был обычный серый телефон, висевший на безликой панельной стене. Алиса бежала к нему со всех ног. Она кинула пару монеток, которые со звоном упали в приемник. С трудом вспомнив номер мамы, девочка набрала на старых ржавых кнопках ее телефон.

— Мама, ответь, пожалуйста, мама... — Шептала она в трубку, прикрыв глаза.

— Девочка? Девочка...Я не видел тебя здесь раньше, — сказал безликий человек, стоящий позади нее.

— Нет!

Это было все, что успела выкрикнуть Алиса, прежде чем броситься бежать обратно в детский центр, чтобы успеть скрыться от странного безликого существа. Звук ее тупелек стих. В пустом коридоре никого не было. Брошенная телефонная трубка повисла на проводе. Гудки продолжались.

Ее мама не услышит этот звонок — она давно пришла домой и поставила греться чайник. По телевизору шла ее любимая передача. И до конца этого вечера она так и не поймет, что ее телефона в сумке нет. Он выпал из открытого кармана ее сумки еще днем, когда она шла по небольшому мосту к автобусной остановке. Она торопилась и врезалась в прохожего, чуть не сбившего его с ног.

Эти звонки продолжались. Под темным мостом. В овраге. В полутьме. Экран мобильного телефона светился. Эхом раздавалась трезвонящая мелодия, но ее никто так и не услышал.

Смотрящий

Он был обычным мальчиком. Обычным подростком 16-ти лет. Его звали Виктор. Так его назвал отец, который скончался почти сразу после его рождения. Семья Виктора переехала из большого мегаполиса в маленький город на окраине. В детстве у него было несколько увлечений: просматривание пары кассет с мультиками снова и снова, игры и беседы с соседским котом, прогулка в парке. Просмотр мультиков занятно ему надоел, так как новых на кассетах совсем не появлялось, а соседский кот не особо его жаловал, поэтому Виктор в большинстве случаев отправлялся в парк. Ему нравилось смотреть на распускающиеся бутоны цветов весной, на опадающие осенние листья и наслаждаться красотой природных ландшафтов. Он рисовал все, что видел. Рисовал и рисовал, а на 12 день рождения ему был подарен фотоаппарат. С этого и началось одно из главных увлечений в его жизни. Сначала он фотографировал почти все, что видел, а уже после научился находить нужный кадр и лучшее освещение для хорошего снимка. Ему нравилось фотографировать. Однажды он мечтал стать великим фотографом, фотографировать звезд для модных журналов, делать фото для известных модных брендов и проводить фестивали в области искусства. Он уже почти грезил такой жизнью. И у Виктора все получалось. Он оказался невероятно талантливым. По странной причине он выигрывал почти все фотоконкурсы, в которых участвовал. Многие пророчили ему великое будущее. И оно у него было. Если бы одним осенним днем он не отправился на прогулку со своими одноклассниками.

Их было трое. Виктор и двое его друзей. Эти парни не были его настоящими друзьями, но ему было с ними весело. К тому же у него впервые появились друзья. Все свое детство Виктор провел практически в одиночестве. И вот. Этот день настал. Они встретились утром. Настроение у всех было хорошее. Ничего не предвещало беды. Все трое находились в тот момент на заброшенной детской площадке. Ржавые качели слегка поскрипывали, вдалеке были слышны раскаты грома и унылое завывание ветра. Это была обычная площадка. И трое обычных детей. И этот обычный осенний день стал для них роковым.

— Ребята, а давайте устроим костер? И посидим у него, погреемся, пожжем всякие шутки! — Предложил Дима, один из его двух друзей.

Идея Виктору сразу не понравилась, но он не умел отказывать людям из-за мягкого характера. К тому же ему приходилось соглашаться почти со всем, что они предлагали — он

боялся, что они перестанут с ним общаться. И он снова окажется один. Поэтому Виктор развернулся и пошел в кусты, искать палки для костра.

— Ого, спасибо, Виктор, у тебя есть зажигалка? — Спросил его второй, его звали Антон. У него были светлые кудрявые волосы, которые теперь были мокрыми от морозящего дождя, — блин, чувак, нам нужно срочно сделать это, пока ливень не начался.

— У меня есть! — Отозвался Дима, рывшийся в карманах своей спортивной ветровки, — смотри! Еще работает! Лови!

— Круто, смотрите, — Антон поймал зажигалку и поджег охапку веток, сложенную на земле, — чисто Апполон.

— Апполон? — Неуверенно спросил Виктор, — почему Апполон?

— Типа бог огня, — блондин толкнул одноклассника в плечо, — ну, ты че, не понял?

— Да, да, я понял, прикольно, — Виктор слегка улыбнулся, а затем указал на разгорающееся пламя, — но я думаю, что нам нужно потушить его. Это не выглядит безопасно.

— Прекращай, Виктор, зачем мы по-твоему его делали? А? Чтобы сразу потушить?

— Да, зачем? Смотрите! — Крикнул Дима, кидая в костер старые газеты.

— А это? — Спросил Антон, бросая в огонь бутылку, которая с треском разбилась, — о, банка.

Злополучная банка. Обычные жестяные консервы. На первый взгляд. Позже экспертиза установит, что в ней содержались вещества, вызвавшие возгорание и последующий взрыв. Почему такая вещь оказалась на детской площадке? Никто не может дать точного ответа. Это был страшный момент. Ужасающий. Виктор стоял дальше всех от костра. Смотрел, как Антон кидает эту банку. Время вдруг остановилось. И последнее, что он увидел в своей жизни — яркая вспышка света, в которой один из его друзей оказывается полностью охвачен огненным пламенем. Дима скончался на месте от множественных ожогов. Он стоял совсем рядом с костром. После резкого возгорания произошла небольшая ударная волна. Это были не просто вещества, вызвавшие возгорание, это было проклятье, унесшее жизни двух человек. Антон стоял позади своего друга. Чуть поодаль. Его слегка отбросило назад. И он ударился головой о старые детские качели, пока в его лицо летели осколки стекла брошенной в костер бутылки, поднятые в воздух ударной волной. Большой кусок стекла остался прямо в его шее, другой — в области сердца. Врачи боролись за его жизнь еще два дня. Безуспешно.

В этот день после взрыва на детской площадке выжил только один из них — Виктор. Его не задел огонь. Однако осколки долетели и до него. До его глаз. Он мгновенно зажмурился, но это было бесполезно. Ударная волна отбросила его на спину. Он отключился.

Все прошло быстро. Словно за секунду. Виктор пытался открыть глаза. Вокруг оказались какие-то люди. Все его тело ломало от боли. Он не понимал, что происходит. Слышал голоса. Сирены. Чей-то крик. Чуть позже он пришел в себя, но у него так и не получилось открыть глаза. Он присел на кровати, подушечки его пальцев нащупали повязку на лице. Что это было? Он мгновенно задался вопросом. И все воспоминания внове вернулись к нему. Он заплакал. Горячие слезы намочили бинт, которым была обмотана его голова. Через неделю врач сообщил ему страшное. Сказал, что глаза Виктора сильно повреждены, а от удара головой и сильного сотрясения есть вероятность, что он никогда больше не сможет видеть. И Виктор вдруг почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он

начал падать. Он падал. И падал. В вечную тьму, в которой он живет до сих пор.

С момент злополучных событий прошло два года. И Виктор научился жить в вечной тьме. Он думал, что все пройдет. Надеялся на лучший исход событий. Надеялся. Молился. Однако его проклятье оставалось с ним. День ото дня. Вечная тьма. И все, чего он хотел — закончить этот бесконечный круг, в котором все повторялось. Все его мечты были стерты в порошок, из которого жизнь сделала веселую хлопушку. Судьба посмеялась над ним, разбив его жизнь на мелкие осколки, впившиеся в его душу острыми когтями. Он забыл о всех своих старых увлечениях. О фотографии. Он больше не мог стать великим фотографом. И все эти годы казались ему потраченными впустую. Он бы мог жить дальше. Мог бы придумать себе новую мечту и новую цель, но Виктор решил сам для себя — это конец. Логичное завершение его короткой истории. Есть истории с хорошим концом, а есть — не очень. Не все истории должны заканчиваться хорошо.

С такими мыслями он проснулся 17 сентября, чтобы отправиться на последнюю прогулку в свой любимый с детства парк, где он когда-то наслаждался видом распускающихся цветов. Виктор встал с кровати и неуверенной походкой подошел к старому музыкальному проигрывателю — мама подарила его уже после того, как он потерял зрение. Музыка стала единственным, что хоть как-то облегчало существование в вечной темноте. Когда помещение заполняли мелодичные песни, казалось, будто мир становится светлее, на пару секунд разгоняя, как плотный туман, беспросветную тьму. Однако однажды и она кончалась, оставляя Виктора в темноте вновь. Два года Виктор коллекционировал старые пластинки. Блюз, рок, джаз, поп — ему было все равно, что слушать до тех пор, пока эти песни спасали его от страшных мыслей и неминуемого одиночества. И все же. Это была лишь иллюзия. Чтобы музыка никогда не кончалась, он и сам научился играть на гитаре. Это была старая черная рок-гитара, стоявшая всегда рядом с изголовьем его кровати.

Сегодня, когда он пытался выйти из комнаты, запнулся об валяющиеся диски на полу — забыл убраться, а ведь планировал сделать генеральную уборку совсем недавно.

— Примерно год назад, — прошептал Виктор, пока в его голове возникали цифры и даты.

Он открыл деревянный шкаф, из которого на пол упало несколько свитеров. Натянув на себя первую попавшуюся одежду, Виктор надел черные солнечные очки и вышел из комнаты. На кухне было тихо. Он попытался быстро сделать себе чай и выйти из квартиры на прогулку, оставшись незамеченным, но позади него послышались шаги. Попытка уйти без разговора провалилась.

— Виктор? — Голос матери казался встревоженным, — почему ты так рано проснулся? И почему ты в уличной одежде?

— Мне...мне холодно.

— Холодно? Ты простудился? — Мама подошла к нему, Виктор почувствовал ее ладонь у себя на лбу.

— Нет, нет, мам, все в порядке. Я просто погулять хочу сходить.

— Так рано?

— Ну да...а что?

— Только не делай глупостей, Виктор.

Женщина посмотрела за тем, как за Виктором закрылась входная дверь. Она устало покачала головой. Ее сын изменился. И не в лучшую сторону. Она не узнавала его: прежде веселый и беззаботный мальчик превратился в угрюмого страдальца с каменным

выражением лица. Мама понимала, что ему трудно привыкнуть к новой жизни. Она старалась окружить его заботой и вниманием, которое он так старательно отвергал. Как бы она ни старалась ему помочь, она знала, что не сможет сотворить чудо. И она свыклась. С чувством собственного бессилия в своей и без того несчастной жизни. Невзгоды преследовали ее всегда, но потеря зрения Виктора стало самым ужасным событием. Ведь с этим даже ничего нельзя было поделать. Нельзя было обратиться к врачам, которые и так были бессильны. Нельзя было над этим посмеяться и забыть. Это было отвратительной реальностью. Данностью. От этого нельзя было убежать или махнуть рукой и забыть.

Виктор шел по улице и думал о матери. У него не было сожалений. Ему было неловко. Оставлять ее вот так. Когда она так старалась ему помочь. Он не мог найти себе оправдания. Он не мог ничего придумать, чтобы объяснить с ней. Однако улица кончалась. Дальше начинался парк. Это был не просто маленький сквер, а почти настоящий лес с тропинками и аллеями, спортивными площадками. Виктор шел почти без помощи трости. Он знал это место, как свои пять пальцев. В воздухе пахло сыростью от осеннего дождя. Вокруг не было ни души. Мальчик вздохнул с облегчением. Он сунул руку в карман и сжал несколько пачек с таблетками. Достаточно, чтобы оказаться без сознания. Он нашел одну из троп, где реже ходят люди и прислушался. В полутьме кто-то расхаживал вокруг деревьев. Виктор замер.

Это были они. Вечно страдающие и не находящие себе места. Обвиняющие его. Говорящие гадости. Пугающие. Они часто приходили к нему. И пытались с ним заговорить. И они пришли снова. Виктор присел на землю, прислонившись к дереву. Он заслонил лицо замерзшими ладонями и принялся ждать, пока они уйдут.

— И что ты делаешь здесь один, Виктор? Ты же знаешь, что мы тебя везде найдем, — пропел один из них. Кудрявый блондин с царапиной поперек шеи, — Виктор! Ты не слышишь нас?

— Убирайтесь, оставьте меня, оставьте меня, — повторял он, заслоняя себя от призраков в своей голове, которые казались теперь необычайно реалистичными.

— Убираться? Мы тут узнали, что у тебя в кармане, — сказал второй, — таблетки, Виктор? Хочешь коньки отбросить? Чудесно. Мы тебя уже заждались.

— Перестань, Дима. Это не очень хорошо. Виктор — единственный, кто выжил из нас. Значит, ему надо жить дальше. Значит, ему следовало жить. Ему было суждено. Не слушай его, Виктор! Не знает, что несет. Мы не хотим тебя пугать. Мы хотим тебя предостеречь от этого шага.

— Чего? Ты че, прикалываешься? — Насмешливым тоном Дима продолжил, — наш дорогой друг Виктор хочет к нам присоединиться, а ты его отговариваешь. Он хочет к нам. Он хочет быть с нами. Настоящий друг! А ты знаешь, ты знаешь, что такое — умереть, а, Виктор? Ты не представляешь. А что такое сгореть заживо, ты представляешь?

— Не надо, пожалуйста, нет, не надо мне этого говорить, пожалуйста, уйдите, — умолял Виктор.

— А я тебе расскажу!

— Нет, не расскажешь, — незнакомый голос, это была девушка, — что он вам сделал? Чего вы к нему пристали? Если он вас не тревожил, то и нечего к нему лезть. Если не остановитесь, то я все расскажу тому, кому надо. Ясно? И вы больше не сможете быть даже силуэтами. Так что я советую вам прекратить.

По непонятной причине все прекратилось. Голоса замолчали. Чьи-то шаги притихли. Он убрал руки от лица и обнаружил себя сидящим в одиночестве в лесной чаще. Что-то

заставило его встать и пойти дальше. Он чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. И слышал шаги. Виктор несколько раз застывал на месте и прислушивался. Кто-то медленно ступал по сухой листве. Шаг за шагом, обходя деревья и смотря на него. Однако Виктор решил, что это игра его воображения и пошел дальше.

Раздался раскат грома. Небо покрылось плотным сводом темных облаков. Виктор присел у тонкого сухого дерева, листва которого полностью опала. Он достал телефон и стал записывать на диктофон свои последние слова:

— Сегодня 17 октября. Меня зовут Виктор Шарновский. В возрасте 16 лет я утратил зрение. С тех пор моя жизнь стала просто невыносимой. Каждый день дается мне с огромным трудом. И теперь мои силы иссякли. Как вы знаете, я увлекался фотографией. Мне нравилось этим заниматься. И это было не просто мое хобби. Это была моя мечта. Цель моей жизни. Мне хотелось стать известным. Заниматься этим каждый день. Хотелось...иной жизни. И все это. Все, что со мной случилось, перечеркнуло все мои планы... — В горле у Виктора пересохло, а из глаз текли тонкие ручейки слез, — я не думаю, что поступаю верно. Я думаю, что я поступаю неправильно. Это плохое решение. И я им совсем не горжусь. Совсем. Однако это взвешенное решение, это не спонтанное желание покончить с собой. Я хочу понимания, но не ищу его. Я знаю, что вы думаете. Я знаю. Вы подумаете: «О, он покончил с собой, а ведь мог и заняться чем-то другим....как грустно». Однако время пройдет. И вы просто...забудете меня. Эти мысли...мысли о...о...том, чтобы покончить с собой были у меня еще с самого начала. С начала этой вечной темноты, в которой я всегда нахожусь. Наедине с собой. Я пытался отогнать их. Ничего не вышло. Они никуда не денутся. Как и эта мгла. Я устал. Я...очень устал. И единственный человек, у которого я бы хотел попросить прощения — моя мама. Я не хотел оставлять тебя. Прости меня. Пожалуйста. Я тебя люблю. Ты должна понять. Мне так...мне так будет лучше. Мне будет хорошо.

— Да? А ты уверен? — Голос незнакомки отвлек Виктора от записи, — я повторю свой вопрос. Ты уверен, что тебе там будет хорошо? И где это там?

— Кто вы? — Довольно грубо спросил Виктор, — что вам от меня надо?

— Меня зовут Мила. Мне ничего от тебя не надо. Я увидела тебя, когда к тебе пристали эти твои друзья...ну, ты знаешь. И решила поглядеть, чем это ты занимаешься один в такой час в таком месте.

— Подожди, ты их видела?!

— Ага, один такой в спортивном костюмчике, а второй — кудрявый блондин.

— Этого...не может быть, нет. У меня галлюцинации.

— Нет, у тебя не галлюцинации. Просто к тебе пристала парочка призраков. А ты, кстати...умереть решил? — Ее тон был насмешливым. Она издевалась над ним. Насмехалась.

— Тебе нечего делать? Оставь меня.

— Оставлю, когда ответишь на мой вопрос.

— Какой еще вопрос? — Яростно спросил Виктор.

— Почему ты думаешь, что после смерти станешь чувствовать себя лучше?

— Ты издеваешься надо мной? Я не имею никакого желания с тобой говорить.

— А я хочу с тобой поболтать. Прости, конечно, за такое вторжение, но я тут мимо проходила, увидела тебя, услышала тебя и...мне стало интересно, почему это ты решил вот так умереть? В лесу?

— Решил и решил. Не твое дело.

— Ну, могу тебе сказать, что тебе надо подумать еще раз над своим решением...скажи, как тебя зовут?

— Меня зовут Виктор.

Девушка все это время стояла напротив него. Босая и в подранном в клочья ситцевом платье. Ее кожа была мертвенно бледной, а губы — синими. Во взгляде красных от слез глаз читалось равнодушие с иногда проступающим вперед любопытством. Если бы Виктор увидел ее, то давно бы испугался и убежал. Мила выглядела жутко. В ее волосах запутались кусочки грязи и сухой листвы, все руки были в царапинах. Девушка медленно подошла к нему. Виктор почувствовал ее ледяную ладонь на своей щеке и зажмурился, замерев на месте. Она взглянула на него и медленно сняла с него очки.

— Тепленький, — прошептала она, — молодой. И такой красивый, — прошептала она, усмехнувшись.

Виктор действительно был красивым, обладая утонченными чертами лица и острыми скулами с россыпью веснушек. Если бы он стал актером, то с легкостью мог бы сыграть какого-нибудь принца. Мила провела рукой по его шелковым темным волосам.

— Виктор, — она наклонилась к нему чуть ближе, — ты не можешь меня видеть, да?

— Нет, — все еще дрожа от страха, Виктор не мог двинуться с места, — я слепой.

— Если бы увидел, то дрожал бы от страха еще больше. Потому что я немного мертва.

— Немного?

Девушка наклонилась к нему еще ближе. И Виктор почувствовал ветхий запах гнилой осенней листвы, смешанный с ароматами трупного разложения. Он резко закрыл нос. Его душа ушла в пятки. И он старался не вдыхать зловонных запахов. Ее холодная щека коснулась его лица.

— Совсем чуть-чуть, — прошептала она, смеясь.

— Прочь! — Воскликнул Виктор, вскакивая с места, — это неправда! Тебя не существует! Это шутка!

— Это правда, мой дорогой Виктор.

— Это галлюцинация, это галлюцинация...

Он повторял эти слова снова и снова. И вдруг резко побежал. Мила с улыбкой наблюдала за его удаляющимся вдаль силуэтом. Ее холодные ладони подняли с земли медальон в форме сердца. Она с интересом поглядела на него. И последовала за Виктором.

Виктор же шел быстро, часто спотыкаясь и сбивая людей на своем пути. Он торопился. Он хотел домой. Он хотел прийти в свою комнату и лечь в теплую постель. Ему хотелось забыть. О призраках умерших друзей. Об этой неудачной попытке самоубийства и странном разговоре. Об этой, как он думал, галлюцинации. Ему было тревожно. И это чувство тревоги напоминало пульсирующую атомную бомбу, которая вот-вот разорвется на огромные куски, утягивая в черную дыру все вокруг. Всю его жизнь.

Он не отвечал на вопросы встревоженной матери, он не думал ни о чем, кроме теплой кровати и царстве Морфея. Уснуть сладким сном — вот его заветное желание. Он быстро переоделся. Положил очки на прикроватную тумбочку и накрыл себя пуховым одеялом. Теперь все было хорошо. Не было ничего из всего, что произошло этим странным утром. И тут. В тишине раздался непонятный звук. Будто что-то упало на тумбочку с потолка. Виктор присел на кровати и нашел на тумбочке взявшийся непонятно откуда медальон. Это был медальон в форме сердца с ошейника покойного кота — того самого соседского кота,

которого он так любил в детстве. Виктор задумался — он точно помнил момент, когда утром сложил его в карман куртки.

— Откуда он здесь?

— Это я принесла. Нашла его в лесу. И...решила вернуть, — из угла комнаты раздался знакомый женский голос.

— Мила?

— Ага.

Виктор плотнее прижал к себе одеяло, будто защищаясь от девушки. Он надел солнечные очки. Неужели она и правда существовала? Он не мог в это поверить. Мила, следовавшая за ним по пятам до самой квартиры, оставила на тумбочке медальон. И уже собиралась уйти, но все же не удержалась, чтобы не ответить Виктору. И теперь стояла в его комнате, ожидая его реакции. Ей нужно было идти, но печальный мальчик затронул что-то в глубине ее души, и она решила сказать ему пару слов на прощание.

— Как ты меня нашла?

— Я за тобой следила. Пробралась в твою комнату. И теперь убью тебя, — с прежней насмешкой сказала она.

— Не очень пугает, считая утренний инцидент. Буду воспринимать это, как попытку помочь.

— Да, я и забыла, что ты...смертник-камикадзе.

— Чего?

— Ничего. Я нашла этот медальон на земле, должно быть, ты обронил. Пришла сюда. Меня впустила твоя мама.

— Странно. Она мне ничего не сказала.

— Она говорила. Ты слишком крепко спал, наверное, не услышал, — Мила соврала, ей было стыдно, но она пыталась придумать другую версию событий, чтобы новый знакомый не боялся ее и не принимал за сумасшедшую, — так это твой медальон?

— Он когда-то принадлежал...моему коту. То есть был у него на ошейнике.

— Понятно. А ты, Виктор, и правда ничего не видишь?

— Совсем. Ничего. Уже как два года.

— О, это...грустно. Поэтому здесь так много музыкальных пластинок? Ты заполняешь внутреннюю пустоту музыкой?

— Да, я даже научился играть на гитаре.

— Сыграешь что-нибудь?

Виктор неохотно взял гитару в руки. Он давно не играл для кого-то. Почти что никогда, не считая маму. Мила присела на край кровати рядом с ним. И он снова почувствовал этот запах. Ужасный. Пугающий. Застревающий в ноздрях. Он пытался не думать о нем. Если она с ним говорит, значит, она такая же живая, как и он. К тому же она говорила с его мамой. Значит, этот запах — лишь временная галлюцинация, бред из его головы. Подумав об этом, он сыграл первые аккорды, а потом начал петь. Это была грустная песня. О маленьком мальчике, живущем в летающем доме, который всегда попадает в штормовые облака. Он давно потерял свой настоящий дом и семью. Поэтому он вечно скитается в своем летающем доме по земле в поисках заветного острова мечты. Его голос. Слова. Мелодия. Все это сочеталось настолько идеально, что в уголках глаз девушки даже появилась пара слезинок. Когда он закончил, Мила вытерла их и сказала:

— Это было прекрасно, Виктор. Я считаю, что ты очень талантливый. Ты не видел, но я

даже немножко поплакала, а это огромное достижение — я почти не могу плакать. В своем обычном состоянии.

— Почему?

— Есть такие люди на свете, которые однажды настолько сильно грустили, что выплакали все свои слезы. И их больше не осталось. Ни одной слезинки.

— И почему ты грустила?

— Это долгая история, а мне уже пора идти, да и вряд ли ты готов ее послушать.

— Я готов. У меня почти нет друзей, а хороших собеседников — тем более.

— Хорошо, — согласилась девушка, — я расскажу быстро. Это случилось примерно года три назад. Я переехала в этот город. И у меня был мой любимый человек. Здесь. Он жил здесь недалеко. Мы очень любили друг друга. Он был художником. Талантливый. Молодой. Красивый. Прямо как и ты. И вот недавно он сказал мне, что уезжает. Сказал, что никогда меня не любил. Я заперлась в квартире. Выпила много таблеток и написала ему об этом. Сказала, что умираю, но он не позвонил. Не написал ни одного сообщения, не приехал. Просто оставил меня там одну. Поэтому плакать мне больше не о чем, все мои слезы уже закончились, — грустно подытожила девушка.

— Да уж. В каком-то смысле мы с тобой похожи.

— Нет, мы разные. Ты еще можешь выбрать другой путь, а моя судьба уже решена.

— О чем это ты?

— Неважно. И мне уже пора, — в комнату просачивались первые лучи солнца, — мне нужно бежать. И еще, — Мила обернулась, — я оказала тебе небольшую помощь. Принесла медальон. Можешь и ты мне немного помочь? Пожалуйста, напиши на листочке адрес — Суворова 46, квартира 27 и передай его в магазин цветов рядом с парком.

— Как он называется? И зачем это нужно?

— «Розовая орхидея». Просто. Так нужно. Скажи, что Мила передала. Буду тебе благодарна, если ты сделаешь это, — лучи солнца становились все ярче, Мила поежилась, — я была рада с тобой познакомиться. Грустно, если ты все таки, ну, того... решишь уйти. Ты талантливый. И можешь...написать много замечательной музыки. Может, однажды напишешь песню и обо мне. Сумасшедшей девушке, которую ты повстречал в лесу, а? — Она усмехнулась, — а теперь. Мне и правда пора.

— Подожди...

Виктор не успел сказать, как недавней знакомой и след простыл. Она исчезла из его комнаты так быстро, будто бы ее там и вовсе не было. Он не знал, зачем ей понадобилось передавать кому-то адрес, но выполнил ее просьбу. И занес в цветочный магазин. Продавщица ахнула, когда услышала имя девушки, но Виктор сказал, что ничего о ней больше не знает. Ни о ее местонахождении, ни о ее жизни. Продавщица с ужасом уставилась на него:

— Да вы что, молодой человек, не видите что-ли? По всему району объявления о том, что она пропала. В розыске. Вся семья ее ищет. Она тут работала у нас. Где же вы ее встретили?

— На улице. Просто попросила адрес передать.

— Хорошо, — продавщица с подозрением взглянула на Виктора, но все же взяла листок с адресом.

На следующий день по телевизору на новостном канале крутили обычные передачи. И он услышал там ее имя. Он сидел с мамой на диване перед экраном. И с тяжелым сердцем

слушал беглую и четкую речь телеведущей:

— Девушка по имени Мила Гербуш долгое время находилась в розыске. Как оказалось, в этом замешан ее бывший партнер — Анатолий Головин. После скандала молодой человек насильно удерживал девушку в квартире по адресу Суворова 46. Мила говорила об этом своим родным, но те не восприняли это всерьез. Соседи регулярно слышали крики, доносившиеся из их квартиры. Также было известно о том, что Анатолий применял насильственные действия по отношению к своей возлюбленной. После он уехал из города, заперев ее одну дома без еды, воды и любых средств связи с внешним миром. Мила покончила жизнь самоубийством 15 сентября, выпив смертельную дозу лекарств. Она оставила на кухонном столе предсмертную записку, в которой написала: «Вы полюбите меня, когда я умру». Такие слова она адресовала своей семье, которые не обращали внимания на ее просьбы обратиться в полицию. Сама девушка боялась обращаться в правоохранительные органы, опасаясь гнева своего молодого человека...

Телеведущая продолжила рассказ, но Виктор уже не слушал ее. Он встал и пошел в свою комнату. Взял в руки гитару. И мелодия сама появилась в его голове. И он не мог поверить. Не мог поверить в то, что встретил ее. В то, что она говорила с ним. В то, что она была реальна. Он написал о ней песню. И это была его первая песня. Из множества. Вдохновение появилось внезапно. Как гром среди ясного неба. И он даже забыл о том, что хотел умереть вчера утром. Ему хотелось, чтобы песню о ней слышали другие.

Много лет спустя он вновь будет рассказывать эту историю. Сидя за обычным столом. На нем по-прежнему будут несменяемые и почти что вечные черные солнечные очки. Напротив будет сидеть очередной журналист. Он посмотрит на него и с восхищением спросит:

— Вы всегда рассказываете, что это началось с трагедии. Ваш путь.

— Да. Всякое искусство начинается с огромной боли. Не от хорошей жизни, — он шутит и улыбается, смотря в камеру.

— Это правда, что ваша первая песня была посвящена мертвой девушке?

— Призраку. Ее звали Мила. Я хотел тогда покончить жизнь самоубийством, но решил перед смертью написать о ней песню. Потом решил написать еще парочку песен. И исполнить их. Я хотел, чтобы много людей услышало эту песню о ней. Я не планировал грандиозный успех. Я ничего такого не хотел. Я просто хотел исполнить песню в ее честь и после убить себя, как и предполагалось. Однако, когда я вышел на сцену, я почувствовал, что всегда был там. Знаете, такое чувство, будто я должен был там быть. И меня это вдохновило. Я повторил это. И на одном из концертов встретил своего будущего продюсера.

— Песня вышла замечательная. И все это оценили, конечно.

— Это был мой первый хит. И это та песня, которой я горжусь больше всего. Я думаю, знакомство с Милой заставило меня пересмотреть свои взгляды. Я очень рад, что встретил ее.

— Так, давайте перейдем к следующему вопросу от зрителей. Анастасия Радкович спрашивает: «Виктор, поделись эмоциями после операции по восстановлению зрения? Как врачам удалось вернуть тебе зрение и почему они сделали это так поздно?».

— О, это долгая история. Все это связано с...нейронами в головном мозге. Я пытался лечиться. После того, как стал хорошо зарабатывать, так как это было дорогостоящее лечение. И один из врачей обнаружил положительные изменения в коре моего головного мозга, обнаружил изменения, связанные с моими глазными нервами. И назначил операцию.

Это была очень сложная и дорогостоящая операция. Сначала я думал, что ничего не выйдет, но все получилось. И теперь я снова могу видеть. Очень плохо. Очень и очень плохо, но это лучше, чем то, что было. Лучше той вечной темноты, в которую я был погружен долгие годы. Так что, да. Я больше не тот слепой музыкант, о котором вы слышали.

— Да, теперь ты полуслепой музыкант, — журналист пытался шутить, — во всяком случае, я думаю, что все за тебя рады. Теперь, когда ты частично вернулось зрение, будешь ли ты снова заниматься фотографией?

— Поживем — увидим, — Виктор улыбнулся, снял солнечные очки и подмигнул в объектив телекамеры.